Рожков Н.
БК 15 Р63
Город и деревня...
Пб 1923

БК
15
Р63

Н. А. РОЖКОВ

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ в РУССКОЙ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
О. В. БОГДАНОВОЙ

БК
15
Р63

Н. А. РОЖКОВ

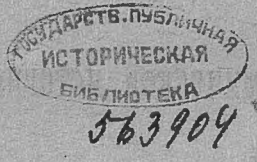
ГОРОД и ДЕРЕВНЯ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

(КРАТКИЙ ОЧЕРК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ).

7-е издание

Издание О. Богдановой

Петроград □ 1923



563904

Петроград, Главлит. № 180 Печ. 10000 экз. Зак № 2269

Гос. Трест „Петропечать", тип. им. Евг. Соколовой, Петроград, Изм. 29.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпускаемый нынѣ шестым изданием краткий очерк экономической истории России, представляющий собою переработку публичных лекций, читанных автором в разных городах России, выходит в свет в перепечатке с третьего издания, вышедшего в 1913 году, почти без изменений по существу. Происшедшие с тех пор крупные событія поставили на очередь вопрос о будущем экономическом развитии России с особенною остротою. Но рассмотрение и разрешение этого вопроса не может найти себе места в исторической по содержанию своему книжке и требует особой, специальной работы. Поэтому, автор не счел возможным и удобным посвящать здесь внимание этой теме.

Седьмое издание печатается почти без перемен с шестого и с некоторыми добавлениями в библиографии

Пгр. Декабрь. 1922.

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Вопрос о взаимныхъ отношеніяхъ и значеніи города и деревни въ человѣческомъ общежитіи принадлежитъ къ числу самыхъ жгучихъ, наиболее волнующихъ общество, по крайней мере, мыслящую его часть, вызывающихъ решения, различные нередко до противоположности. Не со вчерашняго дня раздаются призывы интеллигенціи въ деревню, на лоно природы, къ первобытной простоте и рисуемой мечтателями въ яркихъ краскахъ непосредственности и даже невинности. Философы, ученые, публицисты, поэты не щадятъ словъ для обличенія гнилой городской цивилизаціи съ ея искусственностью и губительнымъ вліяніемъ на человѣческіе жизнь и здоровье, физическое и нравственное. Нетъ недостатка и въ голосахъ противоположнаго направленія: панегиристы городского строя въ противовесъ идеологамъ деревни указываютъ на невѣжество, грубость, косность, ничемъ неискоренимую склонность къ застою, свойственные сельскому населенію, и противополагаютъ этому кипучую умственную и эстетическую жизнь городовъ, ростъ комфорта и благосостоянія въ условіяхъ именно городского строя, развитіе личности, свободы и правосознанія среди горожанъ. Этотъ нескончаемый споръ заставляетъ пересматривать цѣлый рядъ наболевшихъ вопросовъ, когда-либо возникавшихъ передъ умственнымъ взоромъ человѣчества. Важный всегда и везде, онъ пріобретаетъ особенную жгу-

честь в настоящее время в нашем отечестве в силу тех экономических перемен, какие приходится переживать России. В последнее время вопрос о значении и взаимных отношениях города и деревни постепенно теряет утопическую окраску и приобретает положительную постановку. В самом деле: ведь и город, и деревня созданы необходимыми и неустранимыми условиями человеческого общежития, отвечают наличным и совершенно несомненным потребностям общества. Вопрос, следовательно, заключается не в том, как заменить деревенский быт городским строем или наоборот, а в том, каково нормальное, наиболее соответствующее общественным потребностям, соотношение между городом и деревней. Разрешению или, по крайней мере, правильной постановке этого вопроса может содействовать историческое изучение прошлых судеб города и деревни.

Необходимо прежде всего условиться в точном значении употребляемых терминов, без чего нельзя ступить ни шагу вперед. Городом, если не считать городов-крепостей, т.-е. не поселений в собственном смысле, а временных убежищ, называется поселение, жители которого занимаются или торговлей, или обрабатывающей промышленностью, составляющими притом их главное, основное занятие, а не побочный промысел. Деревня—поселение, где главные занятия жителей—добывающая промышленность и сельское хозяйство. Ясно, таким образом, что не всякий город в обыденном употреблении этого слова может быть признан городом в научном смысле, что есть города-деревни, и, с другой стороны, многие села должны быть признаны с научной точки зрения городами. Уже из данных сейчас определений следует, что основным признаком, отличающим городские центры и деревенские поселения,

является признак хозяйственный. Поэтому, изучая значение и взаимные отношения города и деревни в историческом прошлом русского народа, мы будем исходить в своем изложении из экономических явлений, как основных, и из них об'яснять явления социальной и политической жизни, поскольку знакомство с последними будет необходимо для разрешения поставленной задачи.

История русских города и деревни, как и русская история вообще, делится на пять периодов: 1) киевский, до конца XII века; 2) удельный, охватывающий XIII, XIV, XV и первую половину XVI века, приблизительно до начала самостоятельного правления Ивана Грозного; 3) московский, длящийся со второй половины XVI до конца XVII столетия; 4) новый дореформенный, XVIII и первая половина XIX века, с Петра Великого до Николая I включительно, и 5) новый пореформенный период, который начинается великим освободительным актом 19-го февраля 1861 года, и участниками, свидетелями и деятелями которого являемся все мы. В хронологических пределах каждого из этих периодов наше изложение коснется последовательно шести основных вопросов, из которых четыре первых — экономические, пятый относится к социальной истории, а шестой — к политическому строю. Первый, основной вопрос — об относительном значении в данное время каждой из четырех главных отраслей народного производства, добывающей промышленности, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и торговли. В тесной связи с первым вопросом находится второй — о системе хозяйства, т.-е. о совокупности тех приемов и средств, какими ведется хозяйство. Третий вопрос — о формах землевладения, т.-е. о том, кто и на каких правах владел землей. Изучение хозяйственных условий заканчивается четвертым вопросом — о формах хозяй-

ства, иными словами о том, был ли в данный период свободный или принудительный труд и на каких условиях этот труд эксплуатировался. На твердой основе изучения экономических отношений покоится разрешение пятого вопроса—о социальном устройстве, о том, были ли в известное время общественные классы, т.-е. деления общества на группы по хозяйственным признакам, по занятиям, или существовали уже сословия, т.-е деления общества на группы по юридическим признакам, правам и обязанностям. Наконец, изучение политического строя, постановки верховной власти, организации учреждений и управления — вот последний, шестой вопрос, какого мы коснемся в дальнейшем изложении.

II.

Город и деревня в Киевской Руси (до конца XII в.)

Основной отраслью народного производства в первый киевский период русской истории, до конца XII века, было, несомненно, простое, почти не сопровождающееся сколько-нибудь значительным трудом и затратой капитала, освоение даровых сил девственной природы и столь щедрой к человеку, хотя нередко и столь грозной для него на заре истории. Ряд несомненных и достоверных свидетельств источников убеждает в справедливости этого положения. На первые страницы нашей древнейшей, начальной летописи занесено сказание о том, что некогда, в старину, на среднем Днепре жили три брата — Кий, Щек и Хорив — и все они занимались звероловством, были охотниками. Древляне, одно из славянских племен, покоренных Олегом в IX веке, платили князю дань черными куницами, т.-е. мехами зверей, продуктами той же охоты. Игорь, отпуская от себя византийских послов, заключивших с ним договор, одарил их тем, чем сам был богат: мехами и воском; то же самое обещала дать в дар византийскому императору княгиня Ольга при своем крещении в Константинополе. Ее сын Святослав, всю жизнь неустанно искавший приключений, подвигов и добычи, говорил матери: «не нравится мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае (в Болгарии), потому что туда сходятся все богатства из Греции, Чехии, Венгрии и из Руси. Чем

богаты были прочие страны, для нас теперь не важно но Русь, по словам князя, доставляла в Болгарию меха, воск и мед. Почти на каждой странице летописи встречаются, наряду с известиями о войнах, постройке церквей, правительственной деятельности князей, сообщения, что тот или другой князь «ловы звериные деял», «гна звери в лесе», причем, как видно, эти охотничьи поездки продолжались долго, почему князья отправлялись на них обыкновенно со своими женами и дружиной. А что может быть характернее того, что Владимир Мономах, этот живой идеал древнерусского князя, в своем знаменитом «Поучении» на ряду с военными подвигами и делами управления ставит свою охотничью удаль и охотничьи удачи? В древнейшем памятнике нашего права «Русской Правде» предметом особенного внимания служат «бобровые гоны», т.-е. места ловли бобров, и «бортные ухожаи», приспособления для пчеловодства, для добывания воска и меда. Эти и им подобные факты, которыми изобилуют уцелевшие до нашего времени летописи и акты киевского периода, ставят вне всякого сомнения, что добывающая промышленность, особенно охота и пчеловодство, играла первенствующую роль в народном хозяйстве этого далекого от нас времени.

Меньше значения имело сельское хозяйство, особенно земледелие. Правда, еще при Олеге некоторые славянские племена платили дань князю «с рала», т.-е. с плуга, что указывает на употребление этого земледельческого орудия, а следовательно, и на занятие земледелием уже в X веке. О том же свидетельствует встречающееся в правление Ольги известие, что древляне «делали нивы своя». Наконец, в XII веке на одном из княжеских с'ездов прямо говорилось о земледелии, как одном из обычных занятий смердов или крестьян.

Но любопытно, что, как мы только что видели, в числе хозяйственных благ, составлявших главное богатство Руси, ни разу не называется хлеб, а упоминаются только продукты добывающей промышленности. Это уполномочивает нас не ставить земледелие в киевской Руси в один ряд с охотой и пчеловодством. В чем можно быть в этом отношении уверенным, это — в том, что и тогда уже русские не нуждались в привозном хлебе, потому что им хватало своего. Серьезнее было значение другой отрасли сельскохозяйственной промышленности — скотоводства. В летописях нередко встречаются указания, что у того или другого князя, во время междоусобий, истреблялись громадные стада скота, в две, три тысячи голов, иногда и более. Но едва ли не еще более убедительным свидетельством о богатстве скотом и важности скотоводства является факт необыкновенной дешевизны скота по «Русской Правде»; так, лучшую рабочую лошадь можно было купить в то время за 14—16 рублей на наши деньги, вол стоил 7—8 рублей, корова от 6 до 8, теленка можно было купить за 70—80 к., а овцу в XI веке даже всего за 40 коп. Совершенно понятно, почему скотоводство было более развито, чем земледелие, и приближалось в этом отношении к охоте и пчеловодству: дело в том, что первобытное скотоводство по своей экономической природе очень близко к добывающей промышленности; как и последнее, оно не требует почти никаких усилий и забот со стороны человека; скот все время пасется на воле и довольствуется подножным кормом.

Совершенно ничтожна была обрабатывающая промышленность. В наших источниках лишь изредка мелькают факты, свидетельствующие о выделке изделий из глины, об обработке кож, о переработке дерева. Особенно яркое изображение древнейшей русской обра-

бавшей промышленности, — разумеется, в миниатюре — дает один из превосходных памятников литературы киевского периода, именно Патерик Печерский, т.-е. собрание житий святых подвижников Киево-Печерского монастыря. Весь проникнутый свежей, наивной, детской верой, Патерик с любовью отмечает различные чисто-внешние обстоятельства, относящиеся к жизни святого или к открытию его мощей. Эти случайные замечания имеют для нас большую ценность. Читая, например, простодушный рассказ Нестора об открытии мощей св. Феодосия, мы видим, что, когда у автора этого повествования, который сам разрывал могилу святого, сломалась кирка, — он сам ее починил своими руками. Очевидно, это была самодельная кирка, сделанная для себя, а не на продажу. Так выделывалось, вероятно, большинство предметов, необходимых в домашнем и хозяйственном обиходе. Если что-либо и продавалось, то недалеко, на соседнем базаре и притом в небольшом количестве. В том же Патерике встречаем и другое известие о домашнем производстве для собственного потребления производителя, и известие о незначительной продаже изделий на соседнем рынке: один из печерских монахов, Исаия, носил «свиту *вотоляну*», т.-е. сделанную из «вотолы», грубого домашнего холста, сотканного им собственноручно; св. Феодосий вместе с братией приготовлял шерстяные «копытца», т.-е. чулки, и такие же «клобуки» или шапки, и посылал продавать эти изделия на киевском базаре.

Уже из этого видно, что *внутренняя* торговля была ограничена, не играла важной роли. Такой вывод подтверждается и изучением «Русской Правды»: в ней упоминается о «торге», т.-е. местном базаре, но особенно любопытно постановление, по которому, в случае находки кем-либо пропавшей у него вещи на базаре

в руках у другого, этот последний, будучи обязан указать лицо, у которого им приобретена спорная вещь, не имел, однако, права ссылаться на то, что им она приобретена в другом городе: очевидно, сообщения между отдельными городами и рынками были очень затруднительны и редки, а это и указывает как раз на чрезвычайную слабость внутреннего обмена. Зато торговля *внешняя*, на первый взгляд, кажется очень важной. Всем более или менее известны факты, указывающие на оживленные торговые сношения киевской Руси с арабами и хозарами и особенно с Византией. Яркими свидетелями торговли с арабами и хозарами являются известия арабских купцов, посещавших Русь, напр., Масуди Истархи, Хордадбе, Ибн-Фадлана, и открываемые до сих пор в южной России клады, состоящие из серебряных арабских монет, так называемых диргемов. О меновых сношениях с Византией говорят знаменитые, уцелевшие до нашего времени, в Начальной летописи договоры Олега и Игоря с греками, прямые летописные известия и, наконец, замечательный рассказ византийского императора Константина Багрянородного в его сочинении «Об управлении империей». Этот последний источник, рисуя живую картину торговых сношений Руси с Византией, имеет для нас особенную ценность, так как предостерегает от преувеличенных представлений о значении внешней торговли в экономической жизни киевской Руси. С наступлением зимы, рассказывает Константин Багрянородный, русский князь и его дружина отправляются из Киева по подвластным князю славянским племенам за сбором дани, редко состоявшей из денежных платежей, а слагавшейся почти исключительно из натуральных продуктов, какими изобиловала страна: мехов, меду и воску. Вся зима проходила в этом трудном, подчас и опасном,

об'езде, так называемом «полюдье». Весной князь с дружиной возвращались в Киев с собранною данью. К этому времени приготовлялись лодки, которые оснащивались, нагружались всем тем, что было собрано в виде дани, и спускались под охраной вооруженных купцов Днепром и Черным морем в Византию. Этот превосходный рассказ, составленный со слов очевидцев и современников, местных киевских жителей, как нельзя лучше свидетельствует, что внешняя торговля того времени характеризовалась двумя отличительными и имеющими первостепенную важность чертами: во-первых, торговая деятельность была занятием исключительно одних общественных верхов,—князя, дружины и более или менее состоятельных горожан,—масса же населения не принимала в ней никакого участия, потому что не продавала, а отдавала даром, в виде дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторых, внешняя торговля в действительности не затрогивала и настоятельных, насущных, необходимо требовавших удовлетворения потребностей даже этих руководящих ею высших классов населения. Все необходимое они получали натурой, отправляя на внешний рынок лишь избытки и выменивая там только предметы роскоши: шелковые ткани, вина, дорогое оружие. В сущности мы наблюдаем здесь не торгово-промышленный круговорот, а отчуждение продуктов, доставшихся даром, без затраты капитала, без предпринимательских забот и без торговой эксплуатации производителей хозяйственных благ. Следовательно, глубины народного хозяйства остались нетронутыми внешней торговлей, по существу это хозяйство было чисто *натуральным*, т.-е. таким, при котором почти каждый работает только на себя и на свою семью, а не для продажи.

Описанным соотношением разных отраслей народного производства определялась прежде всего система хозяйства. Она отличалась первобытным, хищническим или, как обыкновенно говорят, экстенсивным характером. Охота сводилась к беспощадному, нерасчетливому истреблению зверей, водившихся в таком изобилии в обширных лесах, что не было нужды в каких-либо правилах или ограничениях для охоты, да и некому было их устанавливать и следить за их исполнением. Зверолов не ограничивал своей истребительной деятельности каким-либо небольшим районом, а охотился на обширных пространствах, постоянно переходил с одного места на другое. Технические приемы другой основной отрасли народного производства в киевской Руси, пчеловодства, отличались такою же примитивностью: древнейшее пчеловодство носит характерное название бортничества во всех грамотах киевского периода, между прочим и в «Русской Правде». Бортничеством называется такое пчеловодство, при котором совершенно не заводится искусственных приспособлений для пчел, улбев и пасек, а пчеловоды пользуются медом и воском, складываемыми дикими пчелами в дуплах лесных деревьев, называемых бортными или бортями. Для занятия таким пчеловодством не надо никакого капитала и необходимо очень мало труда: нужно только поставить на бортном дереве «знамя», т.-е. знак собственности и своевременно вынуть накопившийся воск и мед. Далее: при обилии лесов и болот и при крайней редкости населения в земледелии возможна была только одна подсечная, огневая или лядинная система, состоящая в том, что вырубался и выжигался лес, и на образовавшемся таким образом «пале», «огнище» или «лядах», высушенном и покрытом пеплом пространстве, сеялся год или два хлеб, потом повторялась та же операция

с другим участком, через такой же срок переходили к третьему и т. д. Следовательно, хищнический и кочевой характер составлял такой же отличительный признак земледелия, как и добывающей промышленности. Наконец, приведенный уже выше рассказ Константина Багрянородного о внешней торговле как нельзя лучше показывает, что и эта отрасль хозяйства отличалась крайне примитивной организацией: торговля была караванной, не требовала капитала, не было постоянной, непрерывной связи между производителями хозяйственных благ и внешним рынком.

Преобладанием добывающей промышленности и господством экстенсивной системы хозяйства определились, далее, и основные, типические для изучаемого времени *формы землевладения*. Кочевать, переходить с места на место—вот основная хозяйственная потребность первобытного производителя, потребность, подсказываемая господством добывающей промышленности и скотоводства, при которых надо гнаться за зверем, отыскивать диких пчел, занимать все новые пастбища для скота. Возможна ли при таких условиях прочная и постоянная собственность на землю, полная оседлость? Очевидно, нет. Но какие же порядки пользования землей существовали в таком случае в киевской Руси? Наши древнейшие источники дают нам вместо определенного ответа на этот вопрос одни только намеки, достаточно ясные, однако, при свете исторических аналогий. Дело в том, что во всех странах, в которых мы наблюдаем хозяйственные условия, соответствующие экономическим особенностям киевской Руси до конца XII века, существовало так называемое *вольное или захватное землевладение*, сводящееся к тому, что известный округ или волость занимал известную, довольно обширную территорию, а отдельные дворы

или семьи на время, обыкновенно на год, опахивали, окашивали или «зачерчивали» себе, посредством зарубок на деревьях, определенные участки для распашки, не подлежащие во время разработки заимке со стороны других семей. Лесом, пастбищем и другими угодьями пользовались все жители волости сообща в меру потребностей. Такие порядки наблюдаются, напр., у древних германцев около Рождества Христова, наблюдались недавно и у нас в Сибири, в местностях с редким населением и господством добывающей промышленности. То же, по всем признакам, было и в киевской Руси. Что вервь или волость имела тогда определенную обширную территорию,—это видно из «Русской Правды», рассматривающей вервь именно как территориальную единицу. Что земля не была еще в большинстве случаев постоянной, прочной собственностью семьи,—в этом убеждает тот факт, что она в то время не продавалась; о продаже земли нет ни слова ни в «Русской Правде», ни в других источниках. Та же «Русская Правда» сохранила для нас и любопытнейшие намеки на опахивание и зачерчивание временно занимаемых отдельными семьями земельных участков: в ней говорится о «меже ролейной», т. е. пашенной, образованной путем опахивания, и о «дубе знаменном», т.-е. имевшем «знамя», знак собственности, зачерченном. Наконец, при свете приведенных выше аналогий становится вполне понятным известие Начальной летописи о полянах: „они жили каждый своим родом", говорит летопись, „на своих местах". Род здесь, очевидно, вервь, волость: она имела „свои места", определенную территорию. А далее, в виде иллюстрации, летопись приводит известный рассказ о Кие, Щеке и Хориве и сестре их Лыбеди; они вместе со своими семьями, очевидно, и составляли вервь или род и поль-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
563904

зовались свободно землею в пределах родовой территории для своих хозяйственных целей, охотились, где угодно и сколько угодно, выгоняли на пастбище скот, занимали на год или на два участки для пашни и т. д.

Но утверждая, что вольное или захватное крестьянское землевладение господствовало в киевской Руси, нельзя, однако, признать его *единственной* в то время землевладельческой формой. Дело в том, что со времени появления князей к древним землевладельческим порядкам примешиваются новые формы, постепенно и медленно проникая в жизнь. Прежде всего появилось *княжеское* землевладение. Первые следы его становятся заметные уже в X веке, когда Ольга устроила по всей земле свои „места" и „села", „ловища" (места лова зверей) и „перевесища" (места, где устраивались силки для ловли птиц). У той же княгини упоминается и село Ольжичи. К XII веку княжеские села сделались уже вполне распространенным явлением, встречались нередко; недаром Владимир Мономах в своем «Поучении» придает такое важное значение домашнему хозяйству в рассказах о княжеских междоусобиях постоянно мелькают указания на разорение княжеских сел. Наряду с этим в том же XII столетии сплошь и рядом можно встретить известия о разграблении сел *боярских*, а первые признаки боярского землевладения относятся еще к XI веку; оно, очевидно, возникло вслед за княжеским. Наконец, в том же XI столетии возникло еще и *монастырское* землевладение: в рассказе о Печерском монастыре говорится о пожаловании монастырю князем Изяславом горы, а затем находим известие о даче каким-то Ефремом сел в монастырь. Так сразу наметились и два источника, из которых, главным образом, и впоследствии пополнялись монастырские вотчины: княжеское пожалование и вклад частных лиц. Но не

только появились на ряду с крестьянами новые владельцы—князья, бояре, монастыри,—перемена была еще глубже: она коснулась самого понятия о собственности на землю, потому что землевладение князей, бояр и монастырей отличалось уже несравненно большею прочностью, определенностью и оседлостью, чем вольное землевладение крестьян. Нетрудно понять причину происхождения этих землевладельческих новообразований: они явились результатом влияния второстепенной, но все-же не ничтожной отрасли промышленности, внешней торговли. Благодаря торговле, в натурально-хозяйственные отношения, не разрушая их, проник сильной струей капитал, сосредоточившийся в немногих руках и резко отделивший его обладателей от остальной массы общества. Капитал дал возможность капиталистам приобретать значительное количество несвободных и полусвободных рабочих, благодаря труду которых капиталисты—князья, бояре и монастыри—могли прочно занять и хорошо эксплуатировать более или менее обширные земельные владения.

Последнее замечание—о применении несвободного и полусвободного труда—вводит нас в последний, четвертый вопрос экономической истории киевской Руси,—вопрос о *формах хозяйства*. И здесь мы должны отличать главные, основные, древние явления от побочных, второстепенных, более поздних. Первые созданы господством добывающей промышленности, скотоводства и натурального хозяйства, вторые—результат влияния внешней торговли. Зверолов и бортник искал простора для своих охотничьих и пчеловодных занятий, не теснился к своим товарищам, а селился вразброд, на более или менее возвышенных местах сырой и болотистой лесной страны, по близости от рек, самых удобных путей сообщения. Поэтому господствующей хозяй-

ственной единицей того времени была семья, довольно тесный родственный союз, обыкновенно не делившийся на более мелкие хозяйства и по смерти отца. Семья, вследствие того, что большинство населения занималось одним и тем же, по преимуществу охотой и пчеловодством, почти ничего не продавала на сторону, все производила для собственного потребления и ничего не покупала у других. При таких условиях не оставалось места для широкого развития несвободного, рабского труда в крестьянском хозяйстве киевской Руси. И в самом деле несвободный труд, при семейной организации добывающей промышленности, при натуральной системе хозяйства, не является экономической необходимостью, находит себе применение лишь в совершенно исключительных случаях: каждая семья легко удовлетворяет своим потребностям собственными силами, не прибегая к организации принудительного труда. Недаром все писатели, сообщающие нам сведения о первобытных славянах, — таковы по преимуществу писатели византийские,—оставили целый ряд свидетельств о том, что рабов у славян было мало, обращались они с этими рабами хорошо и скоро отпускали на волю. Знаменательно также, что «Русской Правде» неизвестны холопы у смердов или крестьян: она знает только холопов княжеских, боярских и «черничьих», т.-е. монастырских.

Это последнее свидетельство „Русской Правды“ убеждает, однако, что лишь только к натуральной системе примешивается торговля, хотя бы даже и в той несовершенной стадии развития, какую мы наблюдаем в киевской Руси,—так у лиц, имеющих к ней отношение, особенно у князей и бояр, возникает, сначала, конечно, слабо развитая потребность в эксплуатации чужого дарового труда: несомненно, главная часть товаров для внешней торговли добывалась пу

тем сбора дани, но уже в ту пору высшие классы населения пополняли свои доходы тем, что, занимая свободные земли, садили на них своих несвободных и полусвободных слуг. Можно догадываться, что главной задачей этого зарождающегося владельческого хозяйства была доставка продуктов земледелия и скотоводства для непосредственного потребления лиц, составлявших высший слой населения: это видно из того, что в „Русской Правде" несвободные люди значатся не в качестве охотников и пчеловодов, работа которых одна только доставляла, как мы видели, предметы для внешней торговли—меха, воск и мед, а по преимуществу в виде «тиунов конюших», т.-е. приказчиков, заведующих конскими стадами, или «тиунов ратайных», т.-е. земледельческих приказчиков. Известно, как много внимания уделяет тот же драгоценный памятник древнерусского права так называемым закупам, т.-е. лицам, занявшим у земледельцев известную сумму денег и обязавшимся отработать этот долг. Эти закупы—полусвободные рабочие—носят в «Русской Правде» характерное название „ролейных", т.-е. пашенных, от „ролья"—пашня. Но нет, конечно, сомнения, что эксплуатация несвободного и полусвободного труда простиралась в известной мере и на область добывающей промышленности и доставляла, следовательно, некоторое, хотя, вероятно, и не особенно значительное, дополнение к числу тех добываемых по преимуществу путем дани продуктов, которые вывозились на византийский рынок и отчуждались на азиатский восток. Так примесь торгового оборота положила начало новой, неведомой раньше, форме хозяйственных предприятий—владельческому хозяйству князей, бояр и монастырей, основанному на применении, главным образом, несвободного и полусвободного труда.

Хозяйственная организация, изображенная выше, делает вполне понятным *социальный и политический строй* киевской Руси. Общество того времени, благодаря указанным экономическим влияниям, распалось уже на несколько определенных и обособленных слоев. Подавляющее большинство составляли смерды—деревенское свободное население, занимавшееся по преимуществу добывающей промышленностью и скотоводством, в меньшей степени земледелием. Смерд и сельский житель, крестьянин—это синонимы в устах нашего древнейшего летописца. Городское свободное население—„люди"—в главной своей массе мало отличалось своими занятиями от смердов, за исключением, впрочем, высшего его слоя, городского купечества, отдававшего значительное количество времени и труда внешней торговле. Городское купечество—это те „гости", о которых упоминают договоры Олега и Игоря наряду с княжескими „слами" или послами. Наконец, третий, верхний слой, являющийся социальным новообразованием, составляли бояре и „отроки" или „детские", т.-е. старшая и младшая дружина, во главе с князем, военные охранители земли, торговых путей и купеческих караванов и установители внутреннего мира и порядка, „бояре думающие" и „мужи храборствующие", по образному и меткому выражению „Слова о полку Игореве". Мы видим, таким образом, что нет ничего легче, как определить различие между этими тремя социальными группами, *по их занятиям*, но мы тщетно стали бы искать определенных сколько-нибудь значительных *юридических* различий между теми же группами: дружинники, люди и смерды не отличались друг от друга ни правами, ни обязанностями. Гражданская и политическая полноправность и полная юридическая, в значительной степени и фактическая, возможность пе-

рейти из одного состояния в другое—отличительная особенность общественного строя древнейшей России. На деле, в действительности, вече,—этот главный политический орган общественного союза в то время—состояло преимущественно из горожан, имевших фактическую возможность всегда его посещать, что было далеко не всегда мыслимо для сельских обывателей, по крайней мере для большинства их. Но город составлял неразрывную часть волости, и потому всякий смерд, явившись в город, мог участвовать в вечевой сходке. Он мог также, если хотел, переселиться в город для занятия торговлей и даже поступить в княжескую дружину, сделаться старшим дружинником, боярином. Припомним, например, рассказ летописи о Яне Усмошвеце: однажды, когда Владимир вышел со своим войском, состоявшим из дружины и народного ополчения, навстречу печенегам,—перед битвой выехал вперед печенежский богатырь громадного роста и стал вызывать кого-либо из русских на единоборство; охотников не находилось, и князь опечалился; тогда к нему подошел простой воин-смерд из ополчения и сказал, что у него дома остался младший сын необычайной силы: однажды он мял руками кожу, отец за что-то разбранил его; тот так был раздражен этим, что разорвал пополам кожу; князь обрадовался и тотчас послал за молодым силачем; Ян Усмошвец—так звали силача—без труда справился с печенежским богатырем и сделался после этого подвига дружинником князя Владимира. Как бы низко мы ни ценили достоверность самого предания,—одна возможность того, что оно сложилось именно в таком смысле, показывает, что поступление смерда в бояре или старшую княжескую дружину было заурядным явлением: была бы только для этого надлежащая удаль и сила. Говоря коротко, общественный строй

киевской Руси всецело основывался на экономических признаках и лишен был юридических оснований: существовали лишь экономические *классы*, но не было политических *сословий*.

Переходя от общественного строя к устройству управления, мы прежде всего встречаемся здесь с учреждением, одинаково свойственным всем первобытным народам, с собранием свободных людей,—собственно домовладык или глав семейств,—с так называемым вечем. Вече существовало на Руси задолго до признания князей. Известен летописный текст, чрезвычайно ярко изображающий исконное значение веча и его состав: «новгородцы, и смоляне, и полочане, и киевляне, и все волости изначала на вече, как на думу, сходятся, и на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут». Из этого текста видно и древнейшее происхождение веча—вече было «изначала»,—и участие в нем не только горожан, но и волостей, т.-е. смердов, крестьян, и подчинение всей области решению веча старшего города. Городская область была первым по времени появления политическим организмом древнейшей России, и это отразилось позднее, после призвания князей, в первенствующем политическом значении веча. Особенно заметно такое значение собрания свободных горожан и сельчан в вопросе о замещении княжеских столов: призвание или изгнание князя вечем были обычными явлениями в киевский период: так, киевляне прогоняют Изяслава Ярославовича за то, что он, потерпев поражение от половцев, не захотел отправиться в поход против них во второй раз; те же киевляне, не считаясь с княжеским старшинством, призывают Владимира Мономаха и удерживают у себя его потомство, хотя черниговские Ольговичи, потомки Олега Святославовича, принадлежали к старшей линии. Вече считало

себя в праве прямо и иногда довольно резко и настойчиво делать указания князю в его правительственной деятельности: «ты, князь, о чужой земле заботишься и ищешь ее, а своей пренебрег», говорят с укором киевляне Святославу, отправившемуся в Болгарию и тем подвергшему русскую землю опасности со стороны печенегов.

Но на ряду с вечем, хотя и не выше его, в Киевской Руси стояли еще князь и его дружина, составлявшая боярский совет, без которого князю было фактически немыслимо обойтись, хотя, разумеется, юридических гарантий участия боярского совета в управлении, какого-либо закона, определявшего правительственную роль боярской думы, не существовало. Бояре принимали постоянное участие в деятельности князя: Владимир перед принятием христианства спрашивает у них совета: он вообще, по словам летописи, «любил, дружину и думал (т.-е. совещался) с ней об устройстве земли, о войне и о законах»: сыновья Ярослава, по совету со со своими «мужами», т.-е. боярами, уничтожили кровную месть за убийство и заменили ее денежными выкупом: Владимир Мономах определил максимальный законный процент по займам также после совещания с дружиной; наконец, «Слово о полку Игореве» чрезвычайно высоко ставит, выдвигает на первый план «бояр думающих».

Понятно, чем вызвано было политическое преобладание веча: вече состояло в главной массе из смердов и людей простых свободных, в руках которых находилась господствовавшая в то время отрасль народного производства — добывающая промышленность, и которые обходились в этой сфере экономической жизни без всякой хозяйственной поддержки социальных верхов. Напротив, эти социальные верхи—князь, дружина и го-

родское купечество — фактически находились почти веецело в экономической зависимости от смердов, так как дань, собираемая с последних, и была именно главным источником тех хозяйственных благ, которые можно было сбывать в виде товаров в Византии и в хозарской столице Итили на устье Волги. Экономическая зависимость приводила и к политическому подчинению, конечно, далеко еще не организованному и непрочному на заре исторической жизни. Но, спрашивается, чему обязаны были своим существованием новые политические явления? Город или деревня, иначе говоря—интересы торговли или добывающей промышленности и первобытного сельского хозяйства—создали княжескую власть и неразрывно с ней связанный боярский совет? Нет, конечно, сомнения, что тот хозяйственный элемент, который явился в качестве сравнительно-второстепенной примеси к натурально-хозяйственной системе,—именно внешняя торговля,—вызывал необходимость призвания князей: торговые караваны нуждались в защите от кочевников, поджидавших их обыкновенно с целью поживиться у днепровских порогов; с другой стороны, военная опора была необходима для ограждения жизни, имущества и прав тех, кто ездил торговать на главный внешний рынок страны,—в Византию: это достаточно доказывается текстами договоров Олега и Игоря с греками. Таким образом, потребность в княжеской власти сильно ощущалась уже и в городе. Было бы, однако, большой ошибкой выводить политический строй киевской Руси из такого второстепенного экономического фактора, каким была в то время внешняя торговля. Еще более нуждались в князе деревенская добывающая промышленность, те смерды, которые отдельными семейными группами расселялись по обширной стране. Недаром в

XII веке в Новгороде ставили князю в вину, что он «не блюдет смердов». Классическая фраза наших отдаленных предков, призывавших князей,—«земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет», как нельзя лучше мотивирует основную потребность сельского населения—в установлении внутреннего мира, в устранении раздоров и несогласия между отдельными семьями и волостями. Другая потребность — во внешней защите от соседей: варягов, хозар, печенегов, камских болгар, впоследствии половцев — была не менее, если не более, настоятельна для сельских жителей, чем для городских: разбросанные на большом пространстве, редкие изолированные семейные поселки, конечно, совершенно не в состоянии противостоять хищническим набегам. Вот почему Рюрик с братьями, едва прибыли, как начали «города рубить и воевать всюду»; вот почему вече рассорилось с Изяславом, не решавшимся отразить разбойничавших по селам половцев; понятны также и те горькие упреки, какими осыпали киевляне Святослава по возвращении его из Болгарии: в отсутствие князя печенеги непрестанно разоряли русскую землю. Итак, политический тип варяжского княжества сложился благодаря совокупному действию условий и городской и сельской жизни, при чем влияние деревенского быта сказалось гораздо глубже и сильнее, чем потребности внешней торговли, что строго соответствовало взаимным отношениям двух основных в то время отраслей промышленности, деревенской добывающей промышленности, как главной, и городской торговли, как второстепенной ветви народной производительности.

На предшествующих страницах изложены, разумеется, в самых кратких чертах, общие признаки, характеризующие значение города и деревни в хозяйственном, социальном и политическом строе киевской Руси.

При этом выяснилось, что господствующая отрасль промышленности была главным занятием деревенского населения, смердов; преобладанием добывающей сельской промышленности об'ясняются, как мы видели, и формы землевладения и хозяйства, и система последнего, и господство смердов, как общественного класса, и, наконец, политический перевес веча и образование варяжского княжества. Так, из одного основного хозяйственного явления последовательно выводятся все другие характеристические черты хозяйства, общества и государства. Влияние второстепенного экономического фактора—внешней торговли—было несравненно поверхностнее: оно заметнее лишь в области форм землевладения и хозяйства, так как начавшимся вследствие появления внешней торговли разделением труда обусловливались зарождение княжеской и боярской вотчины и некоторое развитие несвободного и полусвободного труда; в политической сфере влияние городской торговли не шло в разрез с действием условий деревенской жизни, а напротив, обе силы действовали в одном направлении. Говоря вообще, можно таким образом признать, что деревня была первостепенным по значению элементом древнейшей русской жизни. Только эта деревня была не наша земледельческая деревня, а поселение, обитатели которого существовали почти исключительно добывающей промышленностью.

III.

Город и деревня в Удельной Руси (с XIII до половины XVI века.)

Экономический быт киевской Руси, как мы только что убедились, отличался чрезвычайной простотой и цельностью: для его понимания нет необходимости различать на территории страны отдельные области с их особенностями, потому что особенностей этих в сущности не было или, точнее говоря, они были настолько незначительны, что без вреда для дела ими можно пренебречь. Такие простота и цельность вообще характерны для общества, которое едва еще начинает жить исторической жизнью. Но уже во втором периоде, удельном, который начинается XIII веком и оканчивается в половине XVI столетия, игнорировать важные местные особенности—значило бы отказаться от правильного научного анализа: уже в это время зарождается разделение труда, некоторая хозяйственная специализация отдельных областей, входивших в состав обширной русской земли. В удельное время необходимо различать три крупных экономических района; 1) центральный, 2) новгородско-псковский и 3) северный. Каждому из них соответствовала одна в большей или меньшей степени господствовавшая в нем отрасль народной производительности, что, в свою очередь, резко сказывалось и на социальном составе и на политическом строе отдельных более или менее политически-

обособленных частей страны. Зародыши всех этих особенностей существовали в разных степенях развития еще в Руси киевской, и на этом фундаменте, заложенном исторической жизнью первого периода, сложились отношения, определившиеся в удельное время. Мы видели, какую первостепенную роль играла на заре нашей истории первоначальная добывающая промышленность. Традиции древнейшего периода были целиком усвоены жителями севера, той обширной области, которая начинается от так называемых северных увалов — ряда холмов, тянущихся с запада на восток по водоразделу между бассейнами Волги и Северной Двины,—и оканчивается побережьем Ледовитого океана и Белого моря. Заселение этого края русскими началось еще в XI и XII веках и усилилось в ближайшие затем столетия, причем новые поселенцы нашли приложение своей хозяйственной энергии в тех же звероловстве и рыболовстве, какие занимали население киевской Руси, а также в солеварении, особенно удобном и прибыльном вследствие естественных условий крайнего севера. Некоторым подспорьем для северных колонистов служило местами также скотоводство, но другая отрасль сельского хозяйства — земледелие — играла совершенно второстепенную, прямо ничтожную роль в силу суровых климатических и неблагоприятных почвенных условий и очень часто — почти всегда — не давала даже того количества продуктов, какое необходимо было для местного потребления. До нас дошло достаточное количество древних актов, характеризующих народное хозяйство северного края в удельный период. Читая эти акты, мы постоянно встречаемся в них с «путиками», т.-е. местами звериного лова, «перевесищами», приспособлениями для птичьей охоты, рыбными ловлями, соляными варницами. Гораздо реже попадаются «пожни»,

т.-е. сенокосы, и «поскотины», или выгоны для скота. Пашни, называвшиеся здесь «орамыми землями», также не часты и, главное, не велики, да к тому же чаще всего встречаются в виде «притереб», земель, недавно расчищенных из-под леса. Если мы возьмем другой важный источник, жития северных святых, то опять-таки перед нами развернется та же картина преобладания добывающей промышленности и скотоводства. Пробираясь через непроходимые дебри и «дрязги великие», т.-е. непролазные болота, северный пустынножитель, основатель будущего монастыря, добывал себе средства пропитания обыкновенно рыболововством; когда около него собиралось несколько сподвижников, тогда разводили скот; в редких случаях посвящали часть времени земледелию, очень при том первобытному: копали землю мотыками, т.-е. попросту лопатами или палками с железными наконечниками. При господстве первобытной добывающей промышленности, север был в то же время областью, в которой натуральное хозяйство сохранилось в наиболее чистом виде. Это видно из того, что во-первых, во все время изучаемого периода здесь не встречается упоминаний о торговых центрах, ярмарках и сколько-нибудь значительном торговом движении, а, во-вторых, даже в XVI веке северные крестьяне уплачивали владельческие оброки и государственные подати натурой — «пособным хлебом», т.-е. хлебом в зерне, и даже тогда, когда подати в других частях государства стали переводиться на деньги, на севере в большинстве случаев сохранились старые натуральные платежи, а если они сменялись денежными, то последние назначались обыкновенно в небольшом окладе; очевидно, денег у жителей севера не было, т.-е. они почти не торговали, сохранили почти в полной неприкосновенности натуральную систему хозяйства.

Чрезвычайно последовательно, хотя с большими, чем на севере, переменами, киевские традиции были восприняты и развиты также в северо-западном углу страны, в области Великого Новгорода и Пскова. Как в киевской Руси земледелие играло второстепенную роль в народном производстве, так оно не было важным элементом и в хозяйственной жизни новгородско-псковского края: населению здесь сплошь и рядом не хватало своего хлеба, всегда чувствовалась, поэтому, нужда в привозном зерне. Лучшим доказательством этого служит то обстоятельство, что московские великие князья XIV и XV веков, при каждой ссоре с Новгородом, подвергали новгородцев всем бедствиям голода, прекращая доставку хлеба из области Волги и Оки. Более, чем производство хлеба, была развита культура технических растений—льна и конопли, сбывавшихся в сыром, отчасти и обработанном виде за границу и служивших также для собственных потребностей производителей. В то же время в области Новгорода и Пскова продолжали сохранять важное значение добывающая промышленность и скотоводство, господствовавшие, как нам известно, в киевской Руси. Заключая, например, договоры со своими князьями, новгородцы чрезвычайно точно и тщательно определяли районы и время княжеской звериной и птичьей охоты и рыбной ловли, ограждая, очевидно, интересы охотников и рыболовов из народа. Один из новгородских князей XIII века даже был изгнан за злоупотребления гагачьей охотой. В житии св. Антония Римлянина, подобно житиям северных святых, говорится о рыболовстве, как обычном занятии монахов. О пчеловодстве свидетельствует не одна статья такого важного законодательного памятника, как Псковская судная грамота. Наконец, имеем также известия о солеварении в Ста-

рой Руссе и добывании железа в некоторых местностях Вотской пятины, занимавшей часть Финляндии и нынешние Петербургскую и отчасти Новгородскую губернии. Обилие пастбищ и сенокосов, засвидетельствованное писцовыми книгами новгородскими, открывало в свою очередь возможность разведения скота в значительном количестве.

Восприняв от Киевской Руси основную черту экономического быта, определявшую хозяйственную деятельность народной массы, новгородский край XIII—XV веков унаследовал от того же исторического периода и развил в очень значительных размерах и ту отрасль промышленности, которая питала и усиливала высшие слои общества, — внешнюю торговлю. Новгородские и Псковские летописи пестрят известиями о меновых сношениях новгородцев и псковичей с центром России, с одной стороны, и с Западной Европой, преимущественно с городами Ганзейского союза, с другой. О том же ясно свидетельствуют торговые договоры Новгорода с немцами, договорные грамоты великих князей с новгородской вольной общиной, многочисленные, сохранившиеся до нашего времени донесения немецкого купечества, известия иностранцев, посещавших Новгород, подобно французу Ляннуа, наконец, народные сказания, былины и песни, вроде известной былины о Садке-богатом госте или того древнего новгородского сказания, которое ведет речь о добром молодце, задавшемся «к купцу—купцу богатому, ко боярину». Насколько Новгород превосходил по своему торговому значению другие русские города того времени, можно усмотреть из одного летописного известия, наглядно показывающего это: под 1216 годом в летописи упоминается о приезде в Переяславль-Залесский (ныне уездный город Владимирской губернии) новгородских и смоленских купцов, тогда

как последних, т.-е. смоленских, было всего 15, число первых, приехавших из Новгорода, простиралось до 150-ти. Новгородская торговля отличалась при этом весьма важными особенностями, которые необходимо отметить: прежде всего она опиралась не на местное производство, из продуктов которого только лен и конопля да отчасти еще продукты скотоводства—кожи, сало, мясо, щетина, шерсть—отпускались за границу, а на богатства других местностей; другими словами, новгородская торговля была передаточной, транспортной: закупая в центральной России и забирая в виде дани на севере, подчинявшемся Новгороду, меха, мед, воск, хлеб, лен, коноплю, продукты скотоводства, новгородцы променивали их на заграничные товары: шелковые и шерстяные ткани, сукна, оружие, металлические изделия, вина и проч.; вторая характеристическая черта, отличавшая торговлю Новгорода и Пскова от древнейшей киевской, заключается в том, что в этих вольных городах удельной Руси для ведения торговых операций необходимы были уже предпринимательские труды, известная коммерческая техника и значительный капитал, так как не дань уже, не даром достающиеся продукты служили товарами, предназначенными для заграничного вывоза: эти товары необходимо было купить, добыть путем торговой эксплоатации их производителей. Вот почему торговля и денежный капитал имели несравненно большее значение в жизни вольных городов удельного времени, чем в Киевской Руси, хотя народное хозяйство в новгородско-псковском крае все-таки продолжало оставаться натуральным, лучшим доказательством чего служит господство натуральных владельческих поборов, засвидетельствованное еще в конце XV века писцовыми книгами, этим отдаленным подобием и историческим прототипом

современных хозяйственно-статистических исследований.

Если север и новгородско-псковский край можно признать чрезвычайно последовательными хранителями старины в народном хозяйстве, развившими далее основы древнейшего экономического быта, то центр удельной Руси, область верхней Волги и Оки, заключает в себе в этом отношении гораздо более новых элементов, лишь в слабой степени представленных в народном хозяйстве киевской Руси: в центральной области над другими отраслями производства преобладало уже в удельное время сельское хозяйство, причем по мере приближения к концу периода это преобладание постепенно усиливается, а в пределах сельскохозяйственной промышленности все более выдвигается на первый план земледелие. Древнейшие сохранившиеся до нашего времени отрывки из писцовых книг конца XV и первой половины XVI века, относящиеся к области Волги и Оки, сравнительно редко упоминают уже об угодьях, необходимых для занятия добывающей промышленностью,—рыбных ловлях, бобровых гонах, бортных ухожаях: «путики» и «перевесища», столь частые на севере, здесь совсем не встречаются; зато описание каждого имения неизменно оканчивается указанием, сколько в нем числится пашни. И в местности между Волгой и Окой основывались в удельное время монастыри и происходила колонизация, но поселявшиеся здесь монахи, в противоположность основателям северных монастырей, не охотились, не ловили рыбы и не варили соль, а возделывали землю, занимались полевым, земледельческим хозяйством. Типическим примером таких монахов-хлебопашцев служат сподвижники основателя самого знаменитого из центральных монастырей, св. Сергия Радонежского. О том же перевесе земледелия над другими

отраслями народного труда свидетельствуют, наконец, многочисленные акты удельного периода, грамоты всякого рода, государственные и частные. Так, в конце XIV века митрополит Киприан дал уставную грамоту, определяющую повинности крестьян, живших на землях митрополичьих монастырей; характер этих повинностей не оставляет ни малейшего сомнения в преобладающем значении земледелия. В самом деле: что это за повинности? Главные из них заключаются вот в чем: „игумнову долю пашни пахать, сеять и жать, сено косить, рожь молоть, хлебы печь, солод молоть, на семя рожь молотить".

Господствующим отраслям производства соответствовали и своеобразные для каждого из указанных трех районов *формы землевладения и формы хозяйства.* Север и в этом отношении стоял всего ближе к киевской Руси: и здесь, как и там, преобладанием добывающей промышленности обусловливалась семейная форма производства. Но в сфере форм землевладения между киевской Русью и севером удельного времени уже не существовало тождества: совершились уже некоторые важные перемены,— коренные, необходимые, и временные, или случайные. К числу коренных перемен принадлежит прежде всего полное исчезновение старинного вольного или захватного, кочевого землепользования: каждая семья уже не переселяется постоянно, захватывая себе для хозяйственной эксплоатации на непродолжительный срок любой участок земли,—она оседает довольно прочно, более определенным образом и надолго размежевывается с соседями. Причина этой перемены кроется в росте населения и естественных условиях северного края, где суровость климата и скудость почвы, малоудобной для земледелия, исключают возможность широкого простора и требуют от каждой хозяйственной единицы

столь напряженного труда, что она неохотно расстается с облюбованным участком. Читая документы, касающиеся заселения северного края, легко убедиться что обычным типом колонизации здесь было поселение одинокого крестьянина с его семьей на пустом месте, среди болот и лесов, и притом поселение более или менее прочное. Сплошь и рядом встречаются указания, что тот или иной крестьянин «посече лес и много древеса, яко ту селишву себе сотворит» или «завел новое место роспашное». В последующих поколениях семья такого отдельного поселенца размножается, но, сознавая еще сильно свое кровное единство, не делится, владеет землей сообща и живет вся в одном дворе. Работа производится общими силами, а делятся лишь продуктом, при чем основанием для раздела продукта служит степень кровной, родственной близости к основателю двора, родоначальнику семьи. Возьмем простейший схематический пример: предположим, что у этого родоначальника—первого поселенца — было два сына. Очевидно, каждому из них, при совместном ведении хозяйства по смерти отца, должна была достаться половина продукта. Допустим далее, что в третьем поколении произошла такая перемена: у одного из сыновей родоначальника был один сын, а другого двое; очевидно на долю первого придется половина продукта, а на долю двух последних лишь по четверти и т. д., так что с размножением семьи доли в каждом последующем поколении дробились все больше, и доля одного не равнялась доле каждого из других. Это неравенство содействовало росту стремления отдельных членов семейного союза к хозяйственной самостоятельности, потому что ни у кого нет желания работать столько же, сколько другие, получая вместе с тем меньше других. Первым выражением такого стремления было приобре-

тение каждым членом семьи права продавать, закладывать, дарить и завещать свои права на долю общего продукта посторонним, чужим людям, чужеродцам. Путем таких сделок в состав семейного союза или двора проникли элементы не родственные, и такой осложнившийся чужеродными примесями союз получил название союза складников, сябров или соседей. В документах XIV, XV и даже XVI веков часто попадаются на севере земли, находившиеся „с складниками не в разделе". Но чужеродцы, конечно, еще более, чем родственники, тянули врозь, и в результате получился уже не дележ продукта, а раздел земли, сначала временный, предполагавший возможность нового передела, нередко и осуществлявшегося. О «новом деле» или «переделе» земли между складниками можно прочитать во многих северных актах удельного периода. Наконец, от временного раздела земли не труден и не долог был уже переход к полному и окончательному разделу, т.-е. к подворно-наследственному владению. В источниках часто встречаются известия о таких разделах с стереотипной оговоркой: «а тех земель нам впредь не переделивати». Однако, в удельное время такие окончательные разделы были на севере России не общим явлением, а скорее исключением, так что вообще можно признать северное землевладение того времени складническим, сябринным или соседским, сопровождающимся или совместным ведением хозяйства или временными, периодическими переделами земли между складниками, сябрами или соседями. Таковы необходимые, коренные перемены, совершавшиеся в удельный период в северном семейном землевладении и представлявшие собою неизбежное, под влиянием новых условий, развитие древнейшего землевладельческого права. Поверхностной, случайной и отчасти временной переменой в той же сфере надо считать

образование во многих местах северного края крупных вотчин новгородских бояр и владыки, т.-е. архиепископа новгородского. Известно, напр., что новгородский владыка имел до конца XV века обширные владения в Обонежской пятине, т.-е. нынешней Олонецкой губернии, что знаменитой Марфе-Посаднице принадлежали земли по берегам Белого моря, при устье р. Онеги, а Важский уезд в XIV веке представлял собою территорию, почти всецело занятую громадной промышленной вотчиной новгородских бояр Своеземцевых. Эта примесь архиерейских и боярских земель была, несомненно, поверхностной переменой, потому что она не повела к коренной перестройке крестьянского землевладельческого права на севере: бояре и владыка приобрели лишь высшее право на землю, подобное праву удельных князей на всю территорию их княжества; под покровом этого высшего права собственности на землю в боярских и владычных вотчинах севера продолжали господствовать семейная форма крестьянского землепользования и свободный оборот (продажа и залог) земли между крестьянами. Но появление этой боярской вотчины было еще случайным: это потому, что она была создана не столько местными экономическими условиями, сколько хозяйственными особенностями новгородского края: только приобретение капиталов посредством торговой деятельности доставило новгородским боярам и владыке необходимые для покупки, захвата и заселения земель средства. Наконец, временным надо признать развитие боярской и архиепископской вотчины на севере по той причине, что с падением новгородской вольности в конце XV века эта вотчина была вырвана с корнем Иваном III и заменена крестьянским, так называемым черным, землевладением, т.-е. тою же семейною формою крестьянского землепользования, какая существовала

прежде причем высшее право собственности на землю стало принадлежать московскому государю. Фактически перемена сводилась только к тому, кому должны были платить оброк крестьяне: раньше они его платили боярам и владыке, потом стали платить великому князю московскому.

Итак, на севере господствовала с известными переменами старая семейная форма землевладения и хозяйства, с примесью оброка высшим собственникам земли. Оброк этот платился не деньгами, а натурой, большею частью долею продукта, половиною или третью, почему и лица, платившие его, назывались половниками. Все это формы производства весьма характерные для натурального хозяйства с господством добывающей промышленности.

Мы видели сейчас, как сильно содействовала новгородская внешняя торговля развитию землевладения новгородских бояр на севере. Еще могущественнее было влияние того же экономического фактора на поземельные отношения в пределах собственно-новгородской области; здесь по уцелевшим писцовым книгам мы можем наблюдать подавляющее господство боярского землевладения, чрезвычайно при том крупного. Земли владыки и монастырей были также довольно видным элементом в новгородском землевладении, но они уже уступали по размерам боярским имениям. О владениях же мелкого городского и сельского люда—так называемых своеземцев и даже купцов—и говорить нечего: они совершенно тонули в море боярской и церковной земли. Наконец, самостоятельного крестьянского землевладения уже совсем не было. Процесс обезземеления новгородских крестьян или смердов можно проследить по уцелевшим поземельным актам XIII, XIV и XV веков, равно как и по отрывочным намекам других

источников. Такие грамоты, как вкладная Варлаама Хутынского или завещание Антония Римлянина, передавших свои вотчины в основанные ими монастыри, указывают, что монастыри приобретали свои владения от лиц разного общественного положения прежде всего путем дарения: при жизни дарителя—посредством вклада или по его смерти—посредством духовной грамоты. Это вполне понятно в обществе, которое, несмотря на скопление некоторыми его членами значительных капиталов, жило все-таки по преимуществу при натуральном хозяйстве: земля оставалась наиболее значительной и самой распространенной ценностью, так что естественно и являлась наиболее удобным средством стяжать себе молитвы монашествующей братии для достижения царства небесного. На ряду с этим монастыри, разумеется, приобретали земли и посредством покупки и приема в залог, тем более, что кредитные операции, по всем признакам, достигли в Новгороде значительного развития. Все сказанное о происхождении и развитии монастырского землевладения одинаково применимо и к землевладению владыки или архиепископа новгородского. Что касается громадных вотчин новгородских бояр, то покупка и прием в залог, несомненно, также были важным средством сосредоточения в боярских руках больших земельных богатств: это видно из новгородских купчих и закладных XIV и XV веков, а также из договорных грамот Новгорода с князьями, свидетельствующих, что покупка сел была обычным в то время явлением. Наконец, существовал еще способ приобретения земли, несомненно применявшийся в некоторых, по крайней мере, случаях новгородскими капиталистами: это—прием свободных людей, владевших землею, в закладни. Недаром в договорных грамотах Новгорода с князьями, с целью пре-

радить князьям возможность обогатиться землею в новгородском крае, постоянно запрещается князьям держать где бы то ни было закладней. Закладни—это то же, что коммендаты в средневековых государствах Западной Европы; это лица, отдавшиеся под покровительство какого-либо сильного человека, подчинившиеся ему со своими землями в податном и судебном отношениях.

Бояре, архиепископ и монастыри, получая главную часть своих средств от внешней транспортной торговли, пользовались доходами со своих вотчин по преимуществу для удовлетворения собственных потребностей. Вот почему, как видно из писцовых книг XV и даже первой половины XVI века, главной формой эксплуатации крестьянского труда в боярских и церковных вотчинах был оброк натурой, большею частью долей продукта, реже,—именно там, где коренные устои натурального хозяйства стали уже сильно колебаться,—деньгами. Несвободный, холопский труд применялся весьма мало. И в самом деле: для чего было заставлять крестьян работать на барщине и употреблять для земледельческого труда холопов, когда барская запашка была не нужна, потому что рынка для плохого новгородского хлеба не было, а собственные потребности владельцев легко удовлетворялись насчет оброка?

Наконец, перевес сельского хозяйства и в частности земледелия в пределах нынешней центральной России также оказал сильное влияние на земледельческие отношения. Земледелие требует уже некоторой, довольно значительной сравнительно с добывающей промышленностью, затраты капитала: первобытный зверолов, рыболов или пчеловод почти совершенно не нуждаются в капитале для своих производительных целей: не трудно и ничего не стоит устроить тенета для зверя, обзавестись рогатиной, сплести сети для

рыбы; чтобы собрать воску и меду, стоит только найти в лесу дуплистое дерево и сделать в нем нехитрые приспособления для пчел или даже просто отыскать дерево, где пчелы уже живут.—Не то в земледелии: при занятии им в лесной стране необходимо выжечь лес, выкорчевать пни, распахать новь, засеять ее, переборонить поле, сжать и вымолотить хлеб, смолоть зерно. Все эти операции требуют значительной затраты времени, следовательно, предполагают у землевладельца наличность известного, потребительного запаса известных средств для пропитания; кроме того операции эти настолько сложны, что вызывают употребление земледельческих орудий—плуга, сохи, бороны, косы или серпа и т. д.; если к этому прибавить необходимость семян для посева, рабочего скота и хозяйственных построек, то станет понятна настоятельная нужда земледельца в капитале. Между тем в центральной Руси в удельное время капитал был несравненно менее распространен в массе населения, чем это было даже в области Новгорода и Пскова. Отдельная крестьянская семья сплошь и рядом не обладала, поэтому, достаточными для успешного ведения земледельческого хозяйства средствами, а это заставляло ее нередко отказываться от земли за ссуду инвентарем, получаемую от лиц, более состоятельных, или садиться на землю, принадлежащую этим состоятельным лицам. Экономически сильными, капиталистами, по крайней мере, более, чем крестьяне, обеспеченными материально, были в то время, прежде всего князья, великие и удельные, затем архиерейские кафедры, по преимуществу митрополичья, монастыри и, наконец, бояре. В их руках и сосредоточилась постепенно вся масса земельного богатства области между Окой и Волгой, произошло так называемое „окняжение“ и „обоярение“

земли, так что даже черная или тяглая земля, т.-е. собственно крестьянская, стала считаться княжеской. Это была очень важная перемена в землевладельческом праве: сущность ее сводится к тому, что не только боярские, княжеские-дворцовые, монастырские и архиерейские, но и черные земли не могли быть отчуждаемы крестьянами, что крестьяне потеряли право свободного распоряжения землей, ее продажи, залога, дарения и завещания,—то право, которое составляло такой отличительный признак северного складнического землевладения.

Но перемены в земледельческом праве центральной области не ограничились обезземелением крестьян и образованием крупного землевладения князей, церковных учреждений и бояр. Дело в том, что сбыт земледельческих продуктов был чрезвычайно слабо развит, находился в зачаточном состоянии; натуральное хозяйство оставалось еще непоколебленным. Вот почему, несмотря на господство крупного *землевладения*, нельзя было вести крупное земледельческое *хозяйство*, так как для такого хозяйства необходим обширный и свободный рынок, а такого рынка нет и быть не может при системе натурального хозяйства. Притом вотчины были слишком обширны, чтобы можно было за всем уследить самому хозяину. Отсюда возникает потребность в раздаче крупных имений по частям посредникам, третьим лицам, которые занимали бы промежуточное положение между крестьянами, с одной стороны, и крупными землевладельцами с другой. И вот прежде всего, *князь* удельного периода начинает раздавать свои земли *во временное и условное владение* сначала своим несвободным слугам, необходимым ему в его хозяйстве в качестве приказчиков или „тиунов", как тогда выражались. Это удобно и для этих слуг, соз-

давая им в известной степени обеспеченное существование, и для князя, так как дает ему возможность вознаграждать своих слуг землей, не теряя последней, потому что ее всегда можно взять обратно, и не затрачивая дорогого в то время денежного капитала. Так в сфере княжеского дворцового землевладения и хозяйства зародилась и воплотилась в действительность идея *поместья*, т.-е. временного владения землей под условием службы и с правом того, кто пожаловал землю, отобрать ее у временного владельца или помещика. Следы поместья на княжеской земле наблюдаются впервые, по нашим источникам, в завещании великого князя Ивана Калиты, составленном в 1328 году. Но поместная система настолько органически связана с системой натурального хозяйства, что стала естественно и неудержимо расти и распространяться не на одних несвободных хозяйственных слуг князя, но также и на его свободных военных слуг, т.-е. бояр и дворян. Мало того: и архиереи, и монастыри, и даже отдельные лица служилого класса, обладавшие обширными землями, стали раздавать значительную часть своих владений в поместное владение. Это можно наблюдать в XIV, XV и XVI веках на землях митрополита московского, у архиереев, вроде архиепископов новгородского и рязанского, во владениях монастырей, наконец, у бояр и других служилых людей—по уцелевшей писцовой книге Тверского уезда за первую половину XVI века. Наряду с поместьем господство земледелия при сохранении натурального хозяйства повело к распространению еще одного типического для этого исторического периода вида земельного владения,—монастырской вотчины. Мы уже видели, что одной из главных причин роста монастырских земель было то обстоятельство, что монастыри принадлежали к числу

крупных капиталистов. Другая причина также была отмечена выше, при изучении землевладения в новгородском крае: она заключалась в том, что при натуральном хозяйстве земля была почти единственной значительной ценностью, почему ею по преимуществу и можно было делать вклады в монастыри. Постепенно таким образом, большая часть территории центральной области перешла в поместное и монастырское владение. В XVI веке даже по всей России было не мало уездов, в которых почти вся земля сплошь была монастырская или поместная, и без преувеличения можно сказать, что не было ни одного уезда (кроме северных), в котором поместья и монастырские земли не занимали бы большей части территории. Писцовые книги не оставляют в этом ни малейших сомнений. По ним видно, например, что в Новгородских пятинах от 75 до 94% всей территории находилось в поместном владении, в Казанском уезде поместья занимали 65% всей площади, в Коломенском 59%, в Вяземском 97% и в Московском хотя под поместьями значилось 34% всей территории уезда, но 35% приходилось на монастырские вотчины, так что на долю всех других видов земельного владения оставалось гораздо менее трети всей площади.

Таким образом, мы видим, что для севера характерной земледельческой формой является в удельный период крестьянская сябринная или складническая земельная собственность, для новгородско-псковского края—крупная боярская, отчасти архиерейская и монастырская вотчина, для центральной области княжеская вотчина, в меньшей степени также архиерейская и боярская, причем здесь зарождаются и затем развиваются еще поместье и монастырское землевладение. Так как на всей почти территории страны про-

должало в то же время господствовать натуральное хозяйство, то формой эксплуатации чужого труда со стороны капиталистов-землевладельцев оставался по преимуществу натуральный оброк, чаще всего долей продукта; несвободный труд не играл сколько-нибудь видной хозяйственной роли.

Взаимное отношение разных отраслей производства, а также формы землевладения и хозяйства определили своим влиянием и *систему хозяйства*, его технику. Говоря вообще, можно подметить довольно яркие следы прогресса в этом отношении, смену первобытных хозяйственных систем более совершенными. Это заметно уже в добывающей промышленности, например, в пчеловодстве, которое в киевской Руси существовало лишь в виде бортничества, т.-е. разведения пчел в дуплах лесных деревьев, без особого ухода за ними; в удельное время от бортничества, как видно по некоторым актам, переходят кое-где уже к пасечному пчеловодству, к устройству ульев. Тот же прогресс можно проследить и в земледелии: вместо огневой, подсечной, кочевой системы, когда после выжигания леса пал или огнище распахивается всего год или два и потом бросается для нового участка,—на большей части территории удельной Руси получает преобладание переложная система земледелия, когда сроки распашки отдельных участков удлиняются, хотя пашня составляет все еще незначительную часть пахатной земли сравнительно с залежью, так что залежь или перелог восстановляет свои производительные силы попрежнему естественным путем отдыха, без всякого удобрения. Мало того: в XV-м и XVI-м веках, как показывают писцовые книги, в области Волги и Оки и в новгородском крае распространяется еще более совершенная паровая-зерновая или трехпольная система зе-

мледелия, при которой под паром остается не более половины, а в более развитом состоянии — не более трети всей земли, причем паровое поле удобряется навозом, а два других поля засеваются,—одно озимым хлебом, по преимуществу рожью, а другое яровым, овсом, пшеницей или ячменем. Эти наблюдения над прогрессивным развитием системы земледелия служат наглядным выражением того постепенно увеличивавшегося преобладания земледелия в народном хозяйстве удельного периода, о котором у нас уже шла речь раньше. Таким же ярким отражением господства внешней торговли в хозяйстве Новгорода служат сохранившиеся свидетельства о развитии там коммерческой техники, системы торговли. И русские акты, и летописи, и иностранные источники указывают на существование в Новгороде купеческих компаний или товариществ: так было товарищество купцов-прасолов, т.-е. гуртовых торговцев скотом, вощаников, т.-е. торговцев воском, заморских купцов или купцов, ездивших для торговли за море, за границу и т. д. Можно даже различить разные виды этих торговых компаний: полные товарищества, когда участники отвечают за убытки и долги всем своим капиталом, и товарищества на вере, в которых ответственность простирается лишь на вложенный в предприятие участником капитал, а не на все его достояние.

Ознакомившись с хозяйственными условиями русской народной жизни в удельный период, мы тем самым становимся на твердую почву при решении вопроса об относительном значении города и деревни в то время. Из всего сказанного не трудно сделать вывод, что в области Новгорода и Пскова первенствовало городское хозяйство-торговля, а на севере и в нынешнем центре хозяйство деревенское — сельскохозяйственная и добы-

вающая промышленность. Уже из этого видно, что город имел определяющее значение в жизни новгородско-псковской области, а деревня играла такую же роль в остальной удельной Руси. И достаточно бросить даже поверхностный взгляд на социальный и политический строй этого периода, чтобы убедиться в справедливости такого заключения. Общество Великого Новгорода и Пскова распадалось на три больших слоя, если не считать не свободных и полусвободных состояний, то были, во-первых, бояре, во-вторых житьи люди и купцы, в третьих, черные люди. В основу этого деления легли совершенно определенные и резкие различия в экономическом отношении. Не подлежит сомнению, что новгородское боярство принимало непосредственное участие в первые века после признания князей: недаром цитированная уже выше былина поет о добром молодце, нанявшемся «к купцу—купцу богатому, ко боярину»: купец и боярин здесь отожествляются. Вероятно и позднее боярские капиталы находили себе помещение в торговых купеческих товариществах, но, будучи отвлекаемы от торговли политическою деятельностью новгородские бояре довольно скоро усвоили себе другую совершенно необходимую при оживленном торговом обороте, экономическую функцию: они сделались крупными капиталистами-банкирами, у которых кредитовалось купечество; эта банкирская деятельность новгородских бояр засвидетельствована одним летописным рассказом начала XII века, по которому народ разграбил дом посадника Дмитра и нашел у него множество «досок», на которых были записаны денежные обязательства лиц, задолжавших этому боярину; существовало также сказание о посаднике Щиле, дававшем деньги в рост за проценты. Занятие купцов ясно из самого названия этого сословия. В нем выделялся высший слой,

самое богатое купечество, так называемые житьи люди. Наконец черные люди распадались на смердов или крестьян, занимавшихся земледелием, скотоводством и добывающей промышленностью на чужих, по преимуществу, боярских землях, и городское черное население,—городчан, своеземцев и рядовичей. Своеземцы жили, впрочем, часто и в деревнях, это были землевладельцы, нередко обрабатывающие землю собственным трудом. Городчане и рядовичи занимались не столько ремеслами, сколько мелкой торговлей, и жили не только в Новгороде и его многочисленных пригородах, но и в «рядках», торговопромышленных поселениях городского типа, расположенных по речным торговым путям, каковы: реки Мста, Шелонь, Волхов, Свирь, Луга. Так как крестьяне жили на боярских землях, а купцы кредитовались у бояр, то, господствуя над черным сельским населением посредством землевладения и над городским черным и над купечеством посредством денежного капитала, служившего для кредитных операций, новгородское боярство было и политически-правящим классом. Правда, юридически, по закону или обычаю, вече т.-е. собрание всего свободного населения новгородской общины без различия сословий, считалось единственным носителем верховной власти: оно законодательствовало, выбирало все органы управления—князя, владыку, посадника, тысяцкого, сотских, старост концов и улиц города, судило по важным делам, нередко тотчас же и расправлялось с подсудимыми, распоряжалось финансами, наконец, было решающим учреждением в делах внешней политики; но все эти функции веча нередко обращались в юридические фикции, оставались лишь в области теории, не воплощаясь в действительность. На практике вече почти всецело подчинялось боярскому совету: последнему принадлежало право предваритель-

ного рассмотрения законодательных проектов, мер административных и актов по внешней политике, а это давало ему важные преимущества: совет состоял исключительно из бояр, т.-е. лиц опытных в деле администрации, связанных к тому же общими сословными и хозяйственными интересами, согласных поэтому между собой; умелость и единство взглядов давали совету возможность подсказывать вечу его решения. Как мало значило решение веча после советского постановления, видно из того, что совет, повидимому, иногда решал дело, не доводя его до веча: в начале XV-го века, напр., купцы жалуются, что совет не все доводит до сведения народа, а Иван III заставил совет без согласия веча утвердить запись или грамоту, по которой Новгород должен был присягнуть ему на полное подданство. Давая общее направление политике Новгорода через посредство правительственного совета, боярство держало в своих руках и всю текущую администрацию, так как право быть выбираемыми в посадники, тысяцкие, сотские, кончанские и уличанские старосты принадлежало исключительно боярам. Из других сословий только купцы пользовались некоторыми преимуществами, несравненно, впрочем, меньшими, чем бояре: в руках выборных от купечества старост был суд по торговым делам и участие в разборе уголовных и гражданских дел между новгородцами и приезжими немцами. Если к этому прибавить, что власть князя в эпоху расцвета новгородской самостоятельности свелась почти к нулю — за ним осталось почти только одно военное предводительство, да и то с участием посадника,—и что в вече на деле принимали участие главным образом городские черные люди, то будет вполне ясно, что город, которому принадлежало господство в экономической жизни Великого Новгорода,

направлял и всю социальную и политическую жизнь этой вольной общины.

Развитие деревенской промышленности—сельского хозяйства—в области Волги и Оки имело важное влияние, прежде всего, на соотношение социальных сил. Земледельческое население, крестьянство, сохранившее еще за собой некоторую долю земель, хотя и подчиненных князю, как высшему собственнику, не утратило здесь своего значения в такой степени, как в аристократическом Новгороде: оно только сильнее примкнуло к князю, естественному своему защитнику, и тем усилило его вотчинную власть. При полном почти отсутствии торговли и городской промышленности, население городов по существу не отличалось от сельского, занималось в главной своей массе также земледелием, и было вообще малочисленно. Земли бояр—аристократического элемента в обществе—далеко уступали по своим размерам владениям князя; при том же экономическое благосостояние боярства сильно зависело от воли князя, которому оно служило. Все это делало самым сильным рычагом в общественной и политической машине княжескую власть. Понятно поэтому, что князьям удельного времени удалось выработать прочную связь со своими княжествами и установить порядок передачи княжеского стола по нисходящей линии,—от отца к сыну. Естественно, что и политическое положение боярского класса не было обеспеченным, не опиралось на такие определенные юридические гарантии, какие выработаны были историей новгородской вольной общины: князь удельного периода советовался с боярами, но не в силу политических обязательств, а под давлением простой практической необходимости. Вот почему удельная боярская дума не имела еще характера настоящего учреждения с постоянным составом и опре-

деленным ведомством или кругом дел, подлежащих его решению. Усиление князя, ослабление аристократии и крайне ничтожное значение городских промыслов и торговли, выразившееся в том, что города в области Волги и Оки были не торговыми и промышленными центрами, а временными убежищами на случай военных нападений, оказало роковое влияние на судьбу веча: лишенные хозяйственного значения горожане не были в силах оградить свою политическую самостоятельность от притязаний князей и утратили довольно рано вечевое устройство, которое не было поддержано и крестьянством, практически не заинтересованным в его сохранении, потому что деревенскому жителю трудно его посещать, и экономически подчинявшимся князю. Мы знаем, что пригороды в отношении к вече старшего города занимали такое же подчиненное положение, как и села с деревнями: «на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут»—таков был древний обычай. Понятно, что эта зависимость не могла нравиться пригородам, в которых к тому же были слабы и вечевые привычки. И потому северо-восточные князья «самовластцы», начиная с Андрея Боголюбского, бросают старые вечевые города, Ростов и Суздаль, и переселяются в пригород, Владимир на Клязьме. Последний час вечевого строя в области Волги и Оки пробил тогда, когда братья Андрея Боголюбского, Михаил и Всеволод Большое Гнездо, опираясь на тех же владимирцев, одержали верх над своими племянниками, которых поддерживали суздальцы и ростовцы. Так преобладание деревенского склада жизни в центральной Руси сказалось и в сфере экономической, и в социально-политических отношениях.

Сравнивая заключения, получившиеся при определении исторической роли города и деревни в первые два пе-

риода русской истории, мы можем констатировать важные изменения в удельный период сравнительно с киевским. Тогда как в киевской Руси преобладала деревня, и город являлся лишь посторонним придатком к сельскому быту, новообразованием, лишь слегка связанным с основами народной жизни,—в удельный период каждая форма поселений—город и деревня—завоевывает себе особую область, где и господствует: город является определяющим моментом в жизни Новгорода и Пскова, а деревня играет такую же роль в жизни центральной области и севера России. Достойно при этом внимания, что деревенская экономическая жизнь приблизилась в удельное время к *земледельческому* типу, имевшему такое важное значение в последующих исторических судьбах русского народа, а хозяйство городское сохраняло прежний, торговый характер, обрабатывающая же промышленность оставалась попрежнему в зачаточном состоянии. Таким образом, в удельное время не только обозначилось новое соотношение двух изучаемых форм поселений, но определился надолго и экономический тип этих поселений.

IV.

Город и деревня в Московской Руси (во второй половине XVI и в XVII веке).

Одной из основныхъ причинъ успешного собирания Руси московскими великими князьями служило, несомненно, экономическое единство той территории, которая вошла в составъ об'единенного Московского государства. Великий Новгородъ, эта богатая, вольная торговая республика удельного периода, служитъ блестящимъ тому доказательствомъ: онъ былъ связанъ теснейшими, неразрывными хозяйственными узами с северо-восточной Русью; новгородское купечество, какъ мы видели, вело транспортную, передаточную торговлю, сбывало за границу продукты не своей области, а центра нынешней Россіи, и в свою очередь продавало здесь не предметы, производимые в новгородских пятинах, а иностранные товары. Мало того: Новгородъ с его областью не могъ пропитаться своимъ хлебомъ и нуждался в привозе его из северо-восточной Руси, из великокняжеских владений. Стоило порвать экономическую связь Новгорода с бассейном Волги и Оки, и все его торговое могущество должно было бы разрушиться и исчезнуть. Вотъ почему вольная новгородская община, подобно другим удельнымъ княжествам, должна была рано или поздно подчиниться власти московского государя, что и случилось при Иване III. Это экономическое единство территории Московского государства не только продолжало со-

храняться во второй половине XVI и в XVII веке, но и постепенно усиливалось и развивалось. Но, само собою разумеется, этим не исключаются особенности в хозяйственном строе отдельных областей; даже напротив: этими областными особенностями именно и обусловливалось экономическое единство страны, так как с усилением разделения труда отдельные хозяйственные единицы стали острее ощущать необходимость в обмене между собою, т.-е. начали более нуждаться друг в друге, потеряли прежнюю изолированность. Вся территория Московской Руси XVI и XVII веков может быть разделена на шесть естественных областей: 1) центр, включавший в себя нынешние губернии: Московскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую и Нижегородскую; 2) Новгородско-Псковской край,—губернии Новгородскую, Псковскую и Петербургскую; 3) север, состоявший из нынешних Олонецкой, Вологодской и Архангельской губурнии; 4) прикамскую область—губернии Казанскую, Вятскую, Пермскую и Уфимскую; 5) степь—земли к югу от центра и прикамского края, и 6) Поднепровье, бассейн Днепра, поскольку он не входил в пределы Литовско-русского государства, в конце XV века соединившегося с Польшей в один политический организм под названием Речи Посполитой. В этот перечень не включена Сибирь, не игравшая долго значительной роли в хозяйственной истории нашего отечества. Говоря вообще, надо признать, что в половине XVI века на большей части очерченного громадного пространства—за исключением разве крайнего севера и крайнего юга—земледелие одержало окончательную победу над другими отраслями народного производства. Это засвидетельствовано чрезвычайно ценным материалом, сохранившимся для нас в значительном обилии в писцовых книгах, по тексту которых пашен-

ные угодья далеко перевешивали собою землю, назначенную для других хозяйственных целей; бобровые же гоны, бортные ухожаи, соляные варницы и даже рыбные ловли встречались очень редко и отступали все далее на север и на юг, так что о добывающей промышленности в центральной Руси этого времени говорить уже почти не приходится. Еще менее значения имела промышленность обрабатывающая: в этой сфере сколько-нибудь заметную экономическую роль играло только крестьянское кустарное производство. Так, Владимирский, Калужский, Гороховецкий, Семеновский и Корельский уезды уже тогда славились деревянными изделиями, в Пскове, Ярославле, Костроме и Архангельске существовало производство валяной обуви, шляп и полотен, в отдельных частях Новгородской области выделывались металлические изделия. Не надо притом забывать, что большая часть этих кустарных промыслов развилась лишь к концу XVI века. Но хотя большая часть страны была, таким образом, несомненно, земледельческой, однако, две старых ее области, отличавшиеся естественными условиями, мало благоприятными для земледельческого производства,—именно север и область Новгорода и Пскова—не вполне соответствовали такой характеристике: и здесь, правда, земледелие выдвинулось на первый план уже в XVI веке, но оно не подавляло скотоводства и добывающей промышленности. Так называемые «пожни», т.-е. сенные покосы, занимали громадные пространства на севере и особенно в новгородских пятинах. Север отличался, кроме того, чрезвычайным обилием «путиков», «перевесищ», рыбных ловель, соляных варниц, что указывает на сильное развитие добывающей промышленности. В этом отношении здесь сохранялись все еще старинные предания, с трудом подававшиеся под напором но-

вых условий. Это преобладание добывающей промышленности резко отличало север даже от новгородского края, не говоря уже о других областях страны.

Итак, исходным пунктом дальнейших наших рассуждений является то положение, что на севере продолжала, хотя и в несколько меньшей степени, господствовать добывающая промышленность, в области Новгорода и Пскова обе главные отрасли сельского хозяйства—скотоводство и земледелие сохраняли приблизительно равновесие, причем сельскохозяйственная промышленность господствовала над другими отраслями производства, а в центре, степи, прикамском крае и Поднепровье, особенно в центре, преобладало в XVI и XVII веках земледелие.

Но эта характеристика относительного значения отдельных отраслей производства далеко не полна: не дан еще ответ на один вопрос первостепенной важности,—о значении торговли, внешнего и внутреннего обмена. В этом отношении с половины XVI века наблюдаются серьезные и в высшей степени любопытные перемены, указывающие на зачатки коренной перестройки хозяйственных отношений. Перемены коснулись как внешней, так и внутренней торговли.

Мы видели уже, какую исключительную роль во внешней торговле удельной Руси играл Великий Новгород, как монополизировало эту торговлю новгородское купечество. С падением новгородской вольности в конце XV века торговое значение Новгорода сильно пошатнулось, хотя и далеко не исчезло. Гораздо чувствительнее другой удар, нанесенный этому торговому центру несколько десятилетий спустя, в половине XVI века: в это время на отдаленном беломорском севере завязались торговые и политические сношения с народом, экономическая мощь которого стала развер-

тьваться как раз тогда, когда поколебалась сила Ганзейского союза, этого виднейшего торгового контрагента новгородцев: в 1553 году, капитан английского корабля, случайно занесенного бурей в Белое море, Ричард Ченслер, высадившись на русском берегу, приехал в Москву, был ласково принят Иоанном Грозным и заключил торговый договор между Англией и Московским государством. Так на севере, в Холмогорах, а потом в Архангельске и других городах, лежавших на пути к Москве, образовались новые рынки для внешней торговли, не уступавшие Новгороду, скоро даже превзошедшие его по своему значению. Можно наблюдать довольно сильное торговое оживление целого ряда городов, лежавших на дороге с севера в центр,—особенно Вологды, Ярославля и самой столицы государства, Москвы. Англичане, посещавшие Россию во второй половине XVI века,—Ченслер, Климент Адамс, Дженкинсон, Флетчер,—все оставили описания своих путешествий, указывающие на рост русского торгового движения. В том же убеждают и туземные источники: Котошихин, составивший любопытное описание Московского государства второй половины XVII века, много говорит о русских купцах, занимавшихся заграничной торговлей,—так называемых гостях и людях гостиной и суконной сотен; в 1667 году издан был Новоторговый устав, придавший этим заграничным русским торговцам корпоративную организацию для торгового суда и сбора пошлин с заграничных и вывозимых за границу товаров; с конца XVI века составляются, так называемые, торговые книги, служившие руководствами для правильного ведения торговли с англичанами и заменявшие до известной степени современные биржевые бюллетени о ценах на разные товары, обращающиеся на международном рынке. Торговые книги заключали в

себе сведения о ценах на предметы русского экспорта на московском рынке, о стоимости их провоза до Архангельска и о продажной цене на те же продукты в Нидерландах, Англии и даже Испании: все эти данные были совершенно необходимы для богатых русских капиталистов-скупщиков, закупавших товары в Москве в очень значительном количестве и доставлявших их к Белому морю для сбыта за границу.

Такое широкое развитие внешних меновых сношений должно было сильно поколебать почти безраздельно господствовавшее ранее натуральное хозяйство. Но еще большее значение принадлежало в этом отношении торговле внутренней, на развитие которой с половины XVI века мы имеем целый ряд указаний в наших источниках. В писцовых книгах и актах с этого времени постоянно мелькают описания отдельных торжков, местных рынков и ярмарок, иногда охватывающих своими торговыми оборотами значительную территорию. Целая сеть торговых дорог по всем направлениям пересекала страну: особенно часта была эта сеть в центре: достаточно сказать, что таких больших дорог, проложенных к столице государства, было не менее семи, так что Москва представляла собою в то отдаленное время такой же туго завязанный узел торговых гужевых путей сообщения, каким она является в наше время в отношении железных дорог. По словам англичан, из одного Ярославского края ежедневно по дороге в Москву проезжало по 700—800 возов с зерном, предназначенным на продажу. Но мы имеем не одни прямые указания на рост внешней и внутренней торговли: мы обладаем фактами, ясно показывающими, что товарное обращение успело уже проникнуть в народные массы, захватить более или менее значительную их часть: с половины XVI века натуральные владельческие

оброки с крестьян и натуральные государственные повинности переводятся на деньги, что было немыслимо, если бы деньги не проникли в народные массы; наконец, ценность денег в течение XVI века понизилась в $3^1/_2$ раза, а это показывает, что в стране увеличилось количество денег,—естественный результат оживленного торгового оборота. Таким образом, в хозяйственной жизни Московской Руси второй половины XVI и XVII столетий совершилась чрезвычайно важная перемена: система натурального хозяйства, столь характерная для первых двух периодов русской истории, стала подтачиваться и разрушаться: на смену ей зарождалось и все более выдвигалось вперед денежное хозяйство, когда значительная часть населения работает уже не для собственного потребления, а для продажи. Это обстоятельство на ряду с указанным выше значением земледелия или—в виде лишь местного исключения—добывающей промышленности, имело последствия первостепенной важности, выразившиеся, прежде всего, в области форм землевладения и способов хозяйства.

Всего слабее обнаружились эти последствия на севере,—разумеется, по той причине, что здесь господствовала попрежнему первобытная добывающая промышленность, и наименее затронут был старый натурально-хозяйственный строй. Но и север не остался все-таки вне влияния изменившихся меновых условий. Здесь все больше и больше значения стало приобретать в XVI и XVII веках церковное землевладение,—монастырское и архиерейское, а в Сольвычегодском уезде развилась промышленная (солеваренная) вотчина Строгановых. Наконец, в северных уездах, более близких к центру, распространялось также до некоторой степени служилое дворянское землевладение—вотчинное и поместное. Несмотря однако на все это, крестьянская

поземельная собственность, под покровом высшей собственности царя на черную землю, продолжала господствовать на севере и в XVI и XVII столетиях: только в ее формах совершились перемены, являвшиеся естественным продолжением изменений, подмеченных нами в удельный период: многочисленные северные акты о крестьянском землевладении дают полную возможность наблюдать, как складнические союзы, прежде ведшие хозяйство нераздельно или прибегавшие лишь к временным переделам, окончательно *разлагаются на подворные участки* с обязательством бывших совладельцев «нового раздела не замышлять». Ясно, таким образом, что экономические условия севера создали из него типическую крестьянскую область, где деревня царила почти исключительно, и хотя и были городские центры, в роде Холмогор, Архангельска или Вологды, но они являлись в сущности посторонними придатками, почерпали свою торговую мощь не столько в местном населении, сколько от приезжавших из-за моря иностранных купцов и от московских скупщиков-гостей.

Тот процесс зарождения денежного хозяйства, который наблюдался нами во второй половине XVI века и продолжался в большей степени в XVII столетии, сильно повлиял на историю землевладельческих форм в остальных областях страны, кроме севера. Переход от натурального хозяйства к денежному сопровождается всегда сильным потрясением общественного организма, отличается крайней болезненностью. В это время экономически слабые хозяева погибают, и особенно обостряется потребность в денежном капитале, чем вызывается усиленное рыночное предложение недвижимой собственности, предложение, очень скоро насыщающее спрос, сильно превосходящее его затем и потому содействующее тому, что масса земель скопляется путем

покупки и приема в залог в руках тех, кто обладает денежным капиталом и может пустить его в оборот. Такими капиталистами в древней Руси были в особенности монастыри; вот почему их земельные богатства продолжали увеличиваться и во второй половине XVI века. Так, богатейший из монастырей центральной России—Троицкий-Сергиев—приобрел именно в это время, по крайней мере, половину своих владений, если не более. То же приходится сказать о ряде других монастырей—Чудове, Иосифове-Волоколамском, Саввине-Сторожевском и др. Но со второй половины XVI века правительство рядом указов старается прекратить дальнейший рост монастырского землевладения, запрещает земельные вклады, продажу и залог вотчин в монастыри. Под влиянием этих мер развитие монастырских владений в XVII веке, действительно, почти совершенно прекратилось, что очень любопытно и характерно для развития денежного хозяйства. Денежное хозяйство требует свободного оборота ценностей, неограниченного права отчуждать недвижимость, как и движимость, посторонним лицам, постоянной возможности превратить землю в денежный капитал и наоборот. Между тем, по церковному праву имущество церкви признается неотчуждаемым, и получается, таким образом, из'ятие из системы свободного оборота. Противоречие между правами церкви и новыми экономическими условиями разрешается на первых порах,—пока денежное хозяйство находится еще в стадии зарождения—лишь прекращением роста монастырских владений, а не совершенным их уничтожением. Параллельные явления можно наблюдать и в истории служилого поместья: оно так же несовместимо с денежным хозяйством, как и монастырская вотчина, потому что помещик лишен права продавать, дарить, завещать и закладывать свое по-

местье, т.-с. свободного оборота с поместной землей не существует. Вот почему в XVII веке поместье приближается постепенно к обязанной службою вотчине, усваивает некоторые особенности последней, делающие его прочным и подлежащим отчуждению владением. Прежде всего правительство XVII века внимательно следит за тем, чтобы поместья переходили к законным наследникам помещиков, а не к посторонним, старается упрочить поместье в определенной семье. Затем разрешается свободно менять поместья не только на поместья же, но и на вотчины, и сдавать их посторонним иногда даже за деньги: это было уже в сущности не чем иным, как замаскированной продажей, и открывало возможность свободного в известной мере оборота поместной земли. Наконец, в XVII веке и количество поместных земель уменьшается, так как значительная часть их жалуется государем в вотчину, совершенно совместную с системой денежного хозяйства, потому что ее можно продавать, закладывать, дарить и завещать. В документах того времени сплошь и рядом мелькают перед глазами читателя многочисленные указания на то, что царь за службу, плен или „осадное сиденье" пожаловал бояр, дворян и детей боярских обращением части их поместий в вотчину. Были даже установлены законодательным путем нормы такого пожалования.

Описанная эволюция общих экономических условий и форм землевладения оказала—далее—могущественное влияние на *формы* самого *хозяйства*. Отношения крестьянина-арендатора к лицу, на земле которого он сидит, отливаются, как известно, в две основных формы,—оброк и барщину; за пользование землей можно платить деньгами или продуктом,—это будет оброк, но можно также работать на землевладельца вместо

арендной платы, т.-е. нести барщину. Мы видели, что в удельное время крестьяне почти всегда сидели на оброке, мало работая на барщине. Это и понятно при господстве натурального хозяйства: землевладельцу не для чего заводить сколько-нибудь значительную свою пашню, чаще всего он ее и почти совсем не заводит, потому что некуда сбывать продукты за отсутствием спроса на них, за невозможностью их продать, за отсутствием рынка; все же необходимое для собственного потребления землевладелец получает от крестьян в виде натуральных сборов. Но как только безобменное, натуральное хозяйство начинает подаваться и заменяться постепенно растущим меновым или денежным хозяйством,—землевладелец живо чувствует потребность в обзаведении собственной запашкой, „боярской пашней", как тогда говорили, и мало-по-малу переводит значительную часть своих крестьян с оброка на барщину. Это замечается и в служилых поместьях, и вотчинах, и на монастырских имениях, и в землях, принадлежащих архиерейским кафедрам, и, наконец, в государевых дворцовых землях. Уже в XVI веке попадаются иногда дворянские имения, в которых барская запашка занимает 16, 35, 38 и даже 56% всей распахиваемой площади. В конце того же столетия во владениях Троицкого-Сергиева монастыря нередко треть, четверть, даже половина крестьян сидела на барщине. Но помимо этого распространения барщинной повинности существенно изменился и характер самого оброка: из натурального он все более и более превращается в денежный. В одной из новгородских пятин уже в шестидесятых годах XVI века более 75% всех крестьян платили оброк деньгами; тот же денежный оброк без всяких уже признаков натурального наблюдается и в вотчинах Троицкого-Сергиева монастыря

в 1590-х годах. В этом нет ничего удивительного: с зарождением денежного хозяйства потребность в денежных капиталах неудержимо растет и заставляет землевладельцев вносить существенные изменения в характер оброка; в то же время и крестьяне, будучи в значительной мере втянуты в торговый оборот, менее, чем прежде, затрудняются денежными платежами.

Но землевладельцы не ограничивались тем, что переводили крестьян на барщину с целью достигнуть обработки крестьянским трудом своей, боярской пашни. Они прибегли еще к другим средствам, также чрезвычайно характерным для зарождающегося денежного хозяйства. Прежде всего увеличилось сравнительно с удельным периодом приложение несвободного, холопского труда к земледелию. Это заметно уже в дворянском хозяйстве, где нередко очень значительная часть пашни обрабатывалась холопами: так в Тверском уезде, по писцовой книге 1540 года, до 15% всей распахиваемой площади приходилось на долю несвободного труда. Но соответствующие явления замечаются и в монастырских вотчинах. Церковное право запрещает церкви рабовладение; поэтому монастырский холоп был юридической невозможностью; но сила экономических обстоятельств была настолько велика, что фактически на монастырских землях конца XVI и XVII века появился многочисленный контингент несвободных лиц, прилагавших свои руки к земледелию и только называвшихся не холопами, а слугами, служками и детенышами. Эти детеныши, точнее подобие холопов, принадлежавших светским лицам, всегда работали на монастырской пашне, не имея своей запашки и получая от монастырей содержание в большинстве случаев натурой с незначительной денежной доплатой. В XVII веке, в среде

детеныней становится заметным другой важный элемент, не имеющий уже несвободного характера: появляются детеныши-наемные люди, получающие от монастырей настоящую заработную плату. Это вполне понятно: зарождающееся денежное хозяйство естественно ведет к появлению наемного труда, продающегося на рынке, как всякий другой товар, и по мере развития торгового оборота в стране должен был расти и контингент наемных сельско-хозяйственных рабочих. Параллельное наемным детеныням явление наблюдается в XVII веке и в землях светских лиц: и сюда проникает наемный элемент в виде так называемых бобылей. Бобылями назывались в древней Руси не сироты или одинокие люди, как теперь; под этим названием в XVI и XVII веках известны были сельские жители, занимавшиеся не земледелием, а разного рода промыслами, торговлей или, наконец, работой по найму. В XVII веке, по свидетельству писцовых книг, число таких наемных бобылей обрабатывающих пашню на землевладельца сильно растет, иногда мало чем уступает числу крестьян.

Наконец, первая стадия в развитии менового сельского хозяйства сопровождается распространением начала зависимости и на свободное прежде крестьянство. В переходе от натурального хозяйства к денежному и следует видеть главную причину происхождения крепостного права на крестьян. Нам уже известно, что крестьянство к половине XVI века было почти совершенно обезземелено, и что русские крестьяне того времени садились на чужие земли, — государевы, боярские, архиерейские, монастырские. Садясь на чужую землю, крестьянин заключал с землевладельцем особый договор, так называемую „порядную грамоту". Стоит раскрыть любую из этих порядных, чтобы убедиться,

что крестьяне почти всегда получали от владельца имения ссуду или подмогу для хозяйственного обзаведения на новом месте. Например, вот что читаем в одной порядной конца XVI века: „я, Федор Игнатьев сын, порядился в вотчину Николаевского Вяжицкого монастыря и взял у игумена с братиею на подмогу денег 5 рублей" (125 руб. на наши деньги). По некоторым признакам можно заключить, что 3/4, местами даже 9/10 всех крестьян были обременены такими займами. Уходя от одного землевладельца к другому, свободный крестьянин, арендатор чужой земли, был обязан расплатиться: возвратить ссуду и, сверх того, заплатить еще „пожилое„ — определенную в законе сумму денег за пользование двором и хозяйственными строениями, в нем находящимися. Но русский крестьянин второй половины XVI и XVII столетия в подавляющем большинстве случаев был маломощным, оказывался несостоятельным должником. *Неоплатная задолженность крестьян и была первым элементом крепостного права.* Дело в том, что крестьянский выход, вследствие неоплатной задолженности крестьянского населения, делался невозможным и вырождался в вывоз крестьян одними землевладельцами от других. В то время многие землевладельцы чувствовали потребность в рабочих руках для возделывания своих полей и потому занимались подыскиванием крестьян, готовых к ним перейти с чужой земли, расплачивались с кредиторами этих крестьян и вывозили их за себя. От этого, конечно, положение крестьянина по существу не изменялось: он менял только одного кредитора-землевладельца на другого, но вовсе не делался свободнее. *Таким образом, вторым элементом крепостных отношений явилась нужда землевладельцев в рабочих.* Крестьяне на деле уже лишились возможности свободно переходить от одного земле-

владельца к другому. Для образования настоящего крепостного права не доставало лишь одного: идеи о том, что невозможность уплатить долг делает человека крепостным. Эта идея была дана новым развившимся в XVI веке видом холопства, так называемым кабальным. Кабальным назывался человек, занявший у кого-либо известную денежную сумму и обязавшийся служить на дворе кредитора и работать на него за проценты до уплаты долга. В конце XVI века был издан указ, по которому кабальные люди получали свободу по смерти господина, но зато при его жизни они потеряли право уплачивать долг, и, следовательно, не могли уже прекратить зависимости по своей воле. Это делало кабальных людей холопами, крепостными людьми. Итак кабальные холопы по закону не могли уплачивать долг, а крестьяне не могли расплатиться на деле, вследствие несостоятельности. Сходство было слишком сильно, и землевладельцы распространили на задолжавших крестьян идею, что долг делает человека крепостным: они стали вносить в крестьянские порядные условие, которым крестьянин обязывался не уходить от владельца: „крестьянство и впредь крестьянством", „я государю своему крепок безвыходно", — вот часто встречающиеся в порядках XVII века выражения. Так, крепостное право на крестьян выразилось сначала не в законе, а в частных договорах, живее, чем закон, отражающих экономические потребности эпохи. *Влияние кабального холопства и было третьим элементом крепостной неволи.* Мы видим, таким образом, что крепостное право образовалось под влиянием хозяйственных условий: нужды крестьян в ссуде для хозяйственного обзаведения, потребности землевладельцев в постоянном, оседлом рабочем контингенте и воздействия кабального холопства, которое в свою очередь было

одним из видов эксплуатации несвободного труда. Нужда в ссуде продиктована природой господствующей отрасли народного производства — земледелия, немыслимого без некоторого капитала, которого был лишен крестьянин. Потребность землевладельцев в постоянном рабочем контингенте и эксплуатация несвободного труда кабальных людей — неизбежные следствия нарождающегося денежного хозяйства, которое требует развития барской запашки и барщины, немыслимого без закрепощения рабочей массы.

Резюмируя сказанное о формах землевладения и хозяйства в Московском государстве, можно придти к таким общим выводам. Преобладанию добывающей промышленности на севере в XVI и XVII веках соответствовало сохранение крестьянской земельной собственности, которая, вследствие роста населения и примеси меновых влияний, обратилась постепенно в подворно-участковое наследственное владение без переделов. Возникновение денежного хозяйства при господстве земледелия на остальной территории государства прекратило рост поместных и монастырских владений, увеличило количество служилой вотчинной земли и содействовало расширению барской запашки, росту барщины насчет оброка, большему применению холопского и наемного труда к земледелию и возникновению и развитию крепостного права на крестьян, получившего окончательную законодательную санкцию в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года, когда денежное хозяйство сделало уже несколько решительных шагов вперед.

Чтобы закончить изучение *экономической* эволюции Московского государства во второй половине XVI и в XVII веке, нам остается познакомиться с техникой или системой хозяйства в то время. В этом отношении

приходится наблюдать любопытные и чрезвычайно важные явления. Изучая систему земледелия по писцовым книгам последнего тридцатилетия XVI века и сравнивая результаты этого изучения с тем, что нам известно о земледельческой системе первой половины того же столетия, мы неожиданно встречаемся с ярко выраженным фактом хозяйственного упадка двух старинных областей государства, — центра и области Новгорода и Пскова: тогда как в первые семьдесят лет на пространстве центральной области и новгородско-псковского края господствовала уже трехпольная или паровая-зерновая система полевого хозяйства, начиная с 1570-х годов или несколько раньше установившееся было равновесие между паровым полем и обрабатываемой пашней нарушается, пар снова вырастает в залежь, среди громадного пространства которой, подобно оазисам в пустыне, редко попадаются обработанные клочки земли; земледелец все чаще и чаще возвращается к кочевому хозяйству, пашет землю наездом, временно, хищнически, скоро истощая, и потом забрасывая ее; одним словом, и в центре, и в области Новгорода и Пскова совершается к концу века переход не к высшей, а к низшей системе земледелия, — именно к переложной. Тогда как в первой половине XVI века пашня вчетверо, впятеро, иногда даже в десять, двадцать раз и более превосходила своими размерами перелог, в конце столетия наблюдается обратное явление: напр., в Московском уезде перелог занимал впятеро большую площадь, чем пашня, — его считалось около 120 тысяч десятин при 24 тысячах десятин пашни; в одной из новгородских пятин перелогу было уже в 12 раз больше, чем пашни. Вместе с тем и размеры запашки на каждый рабочий двор сокращаются: вместо прежних 12 — 15 десятин во всех трех полях, стали па-

хатъ только по 4, 5 или 6 десятин. Чрезвычайно любопытно, что все эти регрессивные явления заметны только в центре и на новгородском западе, тогда как в степи, прикамском крае и даже на суровом севере наблюдается непрерывный земледельческий прогресс: переложная система в этих областях все более и более приближается к паровой-зерновой, размеры запашки на двор не уменьшаются и даже достигают нередко большей высоты, чем в регрессировавших в земледельческом отношении уездах. Чем об'яснить этот любопытный факт упадка земледелия в коренных, старых областях государства? Ближайшее исследование показывает, что ключ к его об'яснению можно найти, изучая хозяйственное влияние все еще преобладавших тогда, хотя и отживавших свой векъ, старых форм землевладения,—поместья и монастырской вотчины. Писцовые книги свидетельствуют, что именно на поместных и монастырских землях переход к переложной системе был особенно резко выражен, что именно здесь наиболее сильно развилось кочевое хозяйство, и чрезвычайно измельчала крестьянская запашка. Нередки прямые и ясные указания на то, что помещики разоряли или «пустошили» свои имения; сохранился длинный списокъ тверских детей боярских, разоривших и забросивших ряд поместий; не было уезда, где не значились бы обширные пространства так-называемых «порожжих» поместий, т.-е. именно разоренных и брошенных владельцами; в отдельных актах нередки замечания в роде следующего: «та деревня запустела от помещика такого-то, который пашню запереложил, и лес повысекъ, и крестьян поразогнал». Относительно монастырских земель мы имеем официальное свидетельство соборного приговора 15-го января 1581 года, в котором прямо сказано, что монастырские и архиерей-

ские владения «в пустошьях изнуряются», «в запустение приидоша», «прибытка от них никоего нет». Но почему же поместное и монастырское землевладение так гибельно влияли на земледельческое хозяйство? Ответа на этот вопрос следует искать, прежде всего, в юридической природе поместья: мы уже знаем, что поместье было собственностью государя, что владелец не имел права распоряжаться им, а сохранял лишь право пользования под условием службы; правительство всегда могло взять поместье у владельца и передать другому, иными словами, если того требовали интересы государства, могло по своему усмотрению лишать помещика и прав пользования предоставленным ему имением. В течение всего XVI века такая юридическая особенность поместья не была фикцией, и ей фактически соответствовала крайняя подвижность поместья, необеспеченность его за потомством владельца. В большинстве случаев поместные земли переходили не к потомству владельцев и даже не к их родственникам, а к посторонним. Московское правительство XVI века, не стесняясь интересами помещиков, отдавало поместья в монастыри, жаловало их в вотчины, передавало посторонним помещику лицам и т. д. Понятно, что такая необеспеченность поместья за владельцем и его потомством приучала помещика к мысли, что плоды его хозяйственных забот и трудов пожнет, вероятнее всего, чужой человек, не связанный с ним кровными узами; а такая мысль порождала, в свою очередь, убеждение в необходимости извлечь из данного участка поместной земли возможно больше пользы для себя, не заботясь о том, как это отразится на дальнейшей производительности почвы и на возможности продолжать ее хозяйственную эксплуатацию. Вот почему в источниках сохранились любо-

пытные факты, иллюстрирующие насилия и грабежи помещиков, их стремление к скорой наживе и наносимый этим трудно поправимый ущерб хозяйственной ценности поместной земли. Приведем несколько примеров. В самом конце XVI века в селе Погорелицах, Владимирского уезда, жил крестьянин Иван Сокуров. В 1599 г. Погорелицы были пожалованы в поместье сыну боярскому Федору Соболеву. Этот последний, в отсутствие Сокурова, явился к нему на двор и произвел там полный разгром: забрал себе троих холопов крестьянина, увел лошадь, корову, быка, четырех овец, взял у жены Сокурова деньгами 1 рубль 13 алтын (35 рублей на наши деньги), увез к себе, сколько мог, ржи, овса, ячменя и конопли. Мало того: когда Сокуров вернулся домой, помещик присвоил себе и его двор. Понятно, что после этого потерпевшему, по его собственным словам, стало «прожити немочно», тем более, что добиться защиты своих прав было трудно и нужно было вынести сначала утомительную и разорительную процедуру судебной волокиты. Нередко помещик совсем не жил в поместьи, не заботился даже о привлечении туда крестьян, а сдавал землю соседним чужим крестьянам на оброк, что, конечно, избавляло от хлопот, но вело к разорению имения, так как такие арендаторы знали о возможности случайного и скорого перерыва в аренде по воле самого помещика или по предписанию правительства, преследовавшего подобный способ ведения хозяйства на поместной земле, и стремились, разумеется, только к одному: извлечь для себя в возможно более короткое время наибольший доход из арендованной земли. Но всего ярче вредное хозяйственное влияние поместной системы обнаруживается на следующем примере; в 1598 году сын боярский Михаил Фомин отдал свое владимирское поместье на оброк

некоему Федору Шишкину; поместье было сильно запущено, и арендатор приложил не мало труда, чтобы привести его в лучшее состояние: он посеял хлеб, вспахал пар под рожь, вырубил и выжег на многих десятинах лес, скосил сено на лугах. В разгар этих усиленных работ старый помещик Фомин вдруг лишен был своего имения, которое было отдано в поместье другому лицу, Василию Соболеву. Последний, вступив во владение и не получив ничего от Шишкина, так как весь оброк был уплачен им прежнему владельцу, счел себя в праве предъявить притязание на плоды трудов арендатора и осуществил это право самовольно: посеял озимой хлеб на пару, приготовленном Шишкиным, свез к себе скошенное им сено, «и Федор Шишкин стал в великих убытках без пашни и без сена на три года. А лес рассекая и пашню распахивая, он лошади и волы поморил». В результате жалоба, и подлежащая власть разрешила дело так: арендатор имеет право взять себе посеянный им яровой хлеб, равно как и скошенное им сено; новый помещик Соболев должен вознаградить его за расчистку земли из-под леса и за приготовление к посеву парового поля, уплатив ему за каждую десятину по той цене, какую обыкновенно в этой местности платили крестьяне, бравшие землю на оброк. Решение справедливое и, повидимому, уравновешивающее интересы обоих сторон, но нет сомнения, что оно не могло вознаградить арендатора за тот хозяйственный ущерб, который он понес: он оказался, правда, теперь с хлебом и сеном, но попрежнему без пашни, да сверх того потерял значительную часть своего живого сельскохозяйственного инвентаря,—тех лошадей и волов, которых он «поморил», рассекая лес и распахивая пашню. Эти невознаградимые убытки являются, таким образом, прямым следствием принципа поместного земле-

владения, в силу которого земля подлежит отчуждению из рук прежнего владельца по воле подлежащей власти, если последняя находит это более совместным с интересами службы. Так поместная система XVI века по своей юридической природе приучала служилых людей к кочевому, экстенсивному, хищническому хозяйству, понижала технический уровень земледелия. Сознание такого хозяйственного вреда поместной системы и повело к тому сближению поместья с вотчиной, которое произошло в XVII веке, и с которым мы познакомились выше. Что касается монастырских вотчин, то главной причиной дурного ведения хозяйства была их крайняя обширность и разбросанность. Достаточно сказать, что Троицкий Сергиев монастырь владел землями в тридцати трех уездах и в 27-ми из них считалось у него до 200 тысяч десятин земли, а Новодевичий в четырнадцати уездах обладал 30 тысячами десятин, и прибавить, что это были далеко не единственные и не редкие примеры крупного и вместе разбросанного в разных местах монастырского землевладения. Но наряду с этим и в связи с этим действовала еще другая, не менее важная причина—известное уже нам сильное развитие временного и условного владения на монастырских землях: так как очень многие монастыри отдавали значительную часть своих владений во временное пользование разных лиц за службу или за денежный вклад, то здесь возникло некоторое подобие настоящей поместной системы со всеми ее неизбежными хозяйственными последствиями, только-что сейчас изображенными.

Мы с намерением так долго остановились на вопросе о хозяйственных последствиях поместной системы и монастырского землевладения: эти последствия имели большое влияние на деревенскую жизнь

того времени и, указывая на упадок хозяйства в центре и в новгородско-псковской области, отразились вместе с тем в прогрессивных явлениях хозяйственной жизни остальных областей государства. Перед ними совершенно блекнет такое, повидимому, важное явление, как смутное время, и такой разрушительный поток, как бунт Разина. Конечно, смута усилила разорение ряда областей и, подобно разинскому бунту, распространила его на такие места, которых оно раньше не касалось, но только там это разорение было устойчивым и длительным, где раньше в том же направлении повлияли давно уже существовавшие и развивавшиеся приемы монастырского и поместного хозяйства: вот почему влияние смутного времени и разинского бунта, как и войн того времени, было преходящим и временным, поверхностным, неглубоким; раны, нанесенные хозяйственному организму страны этими социальными бурями, скоро затянулись и зажили. В экономической истории XVII века смута и бунт Разина имеют, таким образом, ничтожное значение сравнительно с влиянием того кризиса, который мы сейчас наблюдали в центре и новгородско-псковском крае в последние десятилетия XVI века. Этот кризис вызвал массовое выселение народа на окраины, засвидетельствованное и писцовыми книгами, и иностранными писателями, и известиями об основании новых городов в южной степи, Поволжье и Прикамье, и тем не только способствовал, как мы видели, прогрессу земледельческого производства на этих окраинах, но и ускорил в XVII веке начавшийся раньше процесс зарождения и первоначального развития денежного хозяйства: хищническое поместное и монастырское хозяйство выгнало крестьян на новые места, расширило тем территорию государства и содействовало большему разделению труда, не-

избежному при увеличившемся разнообразии естественных свойств и особенностей отдельных областей. К концу XVII века история земледельческой техники принимает постепенно совершенно нормальный характер: трехпольная система опять вступает в свои права и в старинных областях государства, перед тем подвергшихся тяжелому кризису.

Не менее, если не более, важны были *политические* последствия земледельческого кризиса конца XVI-го века и начала XVII-го. Но чтобы понять эти политические последствия, надо ненадолго возвратиться назад, к удельному времени, и посмотреть, каково было политическое наследство, завещанное Московскому государству удельным периодом. Без преувеличения можно сказать, что наследство это состояло в зародышах настоящего феодального порядка, составлявшего в развитом состоянии столь характерную черту средневекового политического строя западной Европы. Хорошо известно, что феодализмом называется такой политический порядок, при котором государственная власть в ее различных проявлениях становится достоянием землевладельцев: кто владеет землей, тот имеет право участия в законодательных постановлениях. Такого порядка в окончательно сложившемся виде в России никогда не существовало. Но зародыши его были одинаково свойственны и нашему отечеству и другим европейским и внеевропейским странам. Западно-европейский феодализм сложился из трех основных элементов: бенефиция, коммендации и иммунитета. Бенефицием называлось временное владение землей с обязательством службы и без права распоряжаться этою землею, т.-е. продавать, закладывать, дарить, завещать ее. Значит, бенефицию точно соответствовало наше поместье. Под именем коммендации разумеется поступ-

ление свободного человека под покровительство сильного человека с обязательством подчиняться ему в судебном и финансовом отношениях. В настоящее время доказано, что в древней Руси было совершенно такое же состояние, называвшееся закладничеством. закладень или закладник так же, как западно-европейский коммендат (commendatus), был подсуден не органам государственной власти, а тому лицу, за которое он заложился или задался; ему же он платил и подати. Наконец, иммунитет—это право землевладельца судить всех без исключения жителей своего имения и собирать с них подати. Это право было также и у русских землевладельцев удельного времени, которые, по словам жалованных грамот, «ведали и судили» всех живших на их землях сами. Итак, все зародыши феодализма были в удельной Руси. Почему же из них не образовался самый феодализм, а, напротив, возникла неограниченная власть московского государя, подавившая аристократические притязания князей и бояр? Ответ на этот вопрос заключается, главным образом, в только-что изученных нами явлениях в области истории народного хозяйства. На западе Европы вредное хозяйственное влияние бенефиция и существовавшего рядом с ним монастырского землевладения не могло вызвать уход населения, запустение и упадок земледелия, потому что уйти было некуда за недостатком пустых, незаселенных пространств. Поэтому владельцы бенефициев не были ослаблены и успели обратить бенефиций в лен, т.-е. в наследственную поземельную собственность с обширными государственными правами, так что власть короля была сведена к минимуму, и он стал лишь первым между равными. У нас поместье и монастырская вотчина, разоряя население, вызвали его отлив на окраины, возможный по той причине, что неза-

нятых никем земель на этих окраинах была бездна. Этот отлив населения совершился как раз в разгар борьбы Иоанна Грозного с боярством, во время ужасов и конфискаций опричины, в тот исторический момент, когда разрешался один из коренных вопросов нашей истории,—вопрос о том, пойдет ли развитие русского государства в направлении аристократической боярской олигархии, или дворянской самодержавной монархии. *Князья и бояре, вследствие разорения и ухода населения на окраины, потеряли всю свою экономическую мощь и вместе с нею утратили и надежду на осуществление своих политических притязаний.* Московское самодержавие одержало решительную победу над аристократическими тенденциями боярства: отбирая у бояр и князей их старинные вотчины в опричину, Грозный лишал их и связанных с землей судебных и финансовых привилегий, т.-е. уничтожил существовавшие зародыши феодального порядка.

Победа царского самодержавия имела неисчислимые последствия для социального и политического строя России. Под влиянием этой победы у нас в XVII-м веке сложились настоящие крепостные сословия. Памятником их образования является известный, долго действовавший кодекс древне-русского права, так называемое, Уложение царя Алексея Михайловича, изданное в 1649 году. По Уложению русское общество XVII-го века делилось на три больших сословия, военно-служилое, городское и крестьянское, различавшиеся между собою специальными правами и обязанностями. Основная специальная обязанность служилого сословия—это повинность военной службы государству, продолжавшейся для каждого по крайней мере от 15-ти до 60-ти-летнего возраста. Каждый служилый человек,—дворянин или сын боярский,—должен был являться на службу вооруженным и на коне и приводить с собою известное количество «кон-

ных и оружных» слуг, соответственно размерам земли, которою он владел. Содержание себя и своих слуг во время службы лежало также на обязанности служилого человека, который получал далеко не покрывавшее этих расходов жалованье, денежное и хлебное. Эта тяжелая военная повинность обусловливала зато свободу служилых людей от всех остальных обязанностей, налагаемых государством, от податей и натуральных повинностей. Все служилые люди были лицами лично свободными и обладали особенными, им одним свойственными, имущественными правами: правом владеть землей и правом владеть крепостными крестьянами. Оба эти права были необходимы служилым людям для отбывания тяжелой их военной службы государству, так как без них нечем было бы содержать себя и своих слуг на войне. Такой же характер обеспечения служебных обязанностей свойственен был и корпоративным правам служилого сословия, т.-е. правам, принадлежащим не отдельным лицам, а сословию, как целому, как корпорации: служилые люди каждого уезда выбирали из своей среды окладчиков, обязанных вместе с боярином, приезжавшим из Москвы, верстать на службу «новиков», т.-е. достигших 15-ти-летнего возраста дворян и детей боярских, и доставлять боярину сведения об имущественном положении и служебной годности этих новиков. Кроме того уездные дворяне, составлявшие во время похода особую сотню, выбирали из числа более богатых и знатных в своей среде сотенных знаменщиков, из которых воеводы потом назначали одного сотенным головой. Наконец, высший слой служилого сословия, думные люди, бояре, окольничные, думные дворяне и думные дьяки, имел очень важное специальное право—участвовать в заседаниях высшего государственного учреждения, боярской думы.

Городское торгово-промышленное и ремесленное сословие имело одно важное сходство с крестьянством: как и последнее, оно обязано было «нести тягло», т.-е. уплачивать ряд податей в государственную казну и отбывать повинности; горожане, как и крестьяне, платили стрелецкую подать, шедшую на содержание постоянной пехоты, так называемых, стрельцов, данные деньги—остаток старинной прямой подати дани, полоняничные деньги, предназначавшиеся на выкуп пленных, оброчные сборы с лавок и промыслов; наконец, в военное время государство налагало на городское сословие особые экстренные сборы на военные нужды,—сборы, доходившие до 5, 10, 15 и даже 20% с дохода; повинности горожан заключались в службе на денежных, таможенных и кружечных дворян, т.-е. заведывании под строгой имущественной ответственностью чеканкой монеты, сбором таможенных и проезжих пошлин, тяжелым гнетом лежавших тогда на торговле не только внешней, но и внутренней, и казенной продажей вина. Основное личное право всех членов городского сословия, иначе посадских людей или людей черных сотен и слобод, как их тогда называли—это право владеть дворами и лавками в городах и вести торговлю. Все остальные сословия были лишены этого права и исключения допускались для них только под условием платежа посадского тягла,—и то не всегда и не для всех. И городскому сословию, как и служилому, свойственны были, наконец, и некоторые корпоративные права, обязанные, впрочем, своим существованием единственно тому обстоятельству, что они были необходимы для отбывания сословных повинностей: посадские люди выбирали старост для раскладки и сбора податей. О крестьянстве у нас уже шла речь: крестьяне в половине XVI века были людьми несвободными, крепост-

ными; на них, как и на городском сословии, лежало тягло, уплата податей и исполнение повинностей.

Наблюдая такое общественное устройство, нетрудно подметить две его основных черты; во первых, сословность, резкие юридические различия одних обтественных групп от других; во-вторых, преобладание обязанностей над правами, принудительную разверстку обязанностей между отдельными сословиями, разверстку, произведенную государством. Такую сословную организацию принято называть крепостной, так как все социальные слои прикреплены к определенному специальному тяглу, к определенной обязанности. Сословность и крепостной характер общества обязаны своим существованием тем экономическим, отчасти и политическим условиям, которые составляли отличительную черту Московского государства второй половины XVI и начала XVII века: они прежде всего—следствие экономических особенностей первой стадии развития денежного хозяйства, когда начавшееся разделение труда дробит уже общество на резко обособленные группы, но при этом новый склад жизни настолько еще не окреп и не установился, что нуждается в постоянной поддержке и регламентации; а затем победа московского государя над мятежным боярством, руководимым потомками удельных князей, наложило свою печать на устройство общества: логическим последствием торжества самодержавной власти был крепостной сословный строй, перевес сословных обязанностей над правами, усиление государства в ущерб общественной самодеятельности и самостоятельности.

Наконец, через посредство организации верховной власти и социальных отношений условия русского народного хозяйства XVI и XVII веков отразились в сфере администрации. Пока хозяйство было натуральным,

а княжеская власть и общество оставались неорганизованными, как то было в удельное время, до тех пор не существовало ни правильных учреждений с постоянным ведомством, определенным составом и самостоятельностью в известном круге дел, ни даже правильного понятия о государстве, как общественном союзе, преследующем интересы общего блага. Князь удельного времени смотрел на свое княжество как на личное достояние, как на собственность, дающую ему доход,— и только. Поэтому и органы его власти, ему подчиненные, были его личными слугами, которым он каждый раз поручал или „приказывал" то или другое дело: мы тщетно стали бы искать в этих отдельных поручениях, даваемых придворным чиновникам — большею частью дворецкому и казначею,— какого-либо постоянства или хотя бы некоторой определенности; все было шатко, неясно, непрочно и случайно. В областях или уездах управляли тогда наместники и волостели, которые также руководились в своей деятельности, главным образом, не соображениями общего блага, тогда совершенно еще смутными, неясными, а своим материальным интересом, доходом от должности. По картинному выражению одного документа, наместники и волостели „своего прибытка смотрели", были кормленщиками, интересовались по преимуществу кормом, получавшимся ими непосредственно с населения. Но как только денежное хозяйство сплотило общество в одно органическое, более или менее связное и единое целое, так идея общего блага, как основа общественного союза, ясно выступила в сознании и потребовала иной организации управления. Кормленщики стали неудобны, правительство Ивана Грозного попыталось сначала заменить их широким земским самоуправлением, позволив населению отдельных областей выби-

ратъ из своей среды «излюбленных» (т.-е. выборных) старост с целовальниками (присяжными) для заведывания всем областным управлением. Но крепостной характер общества, проникавшее весь социальный строй начало обязанности не вязалось с принципом самоуправления, и потому земские учреждения царя Ивана IV скоро исчезли: в XVII веке их, как и наместников там, где последние сохранились, заменил во всех уездах воевода, заведывающий государственными доходами, администрацией и судом на царя, представляющий собою носителя государственной власти. Параллельно этому совершались перемены и в центральной администрации: усложнение государственной деятельности приводило к скоплению в боярской думе, у дворецкого и казначея массы новых дел, с которыми им было трудно справляться. При том многие из этих дел требовали для своего правильного решения известной привычки, сноровки, административной техники, специализации, невозможной тогда, когда управление построено на временных и личных поручениях. Тогда на смену личностей явились учреждения: государь стал „приказывать" известные дела одному и тому же лицу и в помощь ему назначили дьяка (секретаря) и под'ячих (писцов); так получились приказы. Конечно, их состав не был достаточно постоянен и в ведомстве было не мало путаницы и нескладицы, но все-таки это были учреждения, хотя еще только зарождавшиеся. Высшее государственное — боярская дума — также значительно изменило свой характер под влиянием новых условий: его состав стал постояннее—в нем принимали участие лица думных чинов, бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки, а ведомство определилось точнее.— дума стала почти исключительно законодательным учреждением. Наконец, пока необходима была созида-

тельная совместная, общая работа по устроению нового общественного и государственного порядка, не променившагося еще к новым условиям и поколебленного кризисом XVI века и смутой XVII, до тех пор собирались земские соборы, сначала из правительственных чиновников, потом из выборных от сословий. Но когда окончательно сложились крепостные сословия, материала для совместной работы не оказалось, и земские соборы прекратили свое существование.

На предыдущих страницах выяснено в главных чертах значение города и деревни в экономической, социальной и политической истории Московского государства XVI и XVII веков. Мы убедились при этом, что о таком господстве города над деревней, какое наблюдалось в Великом-Новгороде удельного времени, теперь не может быть и речи. Деревня, а не город, давала основной тон всей народной и государственной жизни Московской Руси, изменения в земледельческой деревенской промышленности вызвали то оригинальное сочетание социальных сил, какое наблюдается в это время. Однако, было бы большой ошибкой придавать деревне исключительное значение в изучаемый период русской истории; к доминирующему тону, создаваемому деревенской жизнью, примешивались уже довольно громкие аккорды жизни городской, — результат зарождения денежного хозяйства. И эта смесь не звучала диссонансом, не создавала непримиримых противоречий, не была механической, как то было в удельное время, а, напротив, представляла собой стройное, гармоническое целое: городская жизнь вошла уже в органическую связь с деревенской, об'единилась с ней, потому что денежное хозяйство стало проникать в массы населения. Не надо только забывать, что город и в Московском государстве не был еще центром обрабатываю-

щей промышленности, а имел только торговое значение. Из этого значения города, как торгового центра, и из преобладания земледелия в деревне выводятся и господство известных форм землевладения и хозяйства, и последовательные изменения в хозяйственной системе, и победа самодержавия в государственном строе, и, наконец, образование крепостных сословий. Одно только условие пришлось признать, как дополнительное, — именно отношение количества населения к пространству страны, непомерную обширность территории, давшую возможность населению уйти от тяжелых хозяйственных условий на свободные, незанятые земли. И позднее это условие оказывало могущественное влияние на историческую жизнь нашего отечества; оно действует даже и в современной нам действительности. Тем не менее не следует преувеличивать его значение: существование обширных пустых пространств создавало лишь *возможность* отлива населения; его *необходимость* вызывалась чисто-хозяйственными условиями, занимающими таким образом первое место. Резюмируя в кратких словах все сказанное о значении города и деревни в истории Московского государства, мы получаем следующую формулу: унаследованные от удельного времени формы землевладения — поместье и монастырская вотчина — повели к упадку системы земледелия в коренных областях государства, к отливу населения на окраины и, вследствие этого, к торжеству самодержавия и крепостного сословного строя; отлив населения вызвал, в свою очередь, усиленный обмен продуктами производства между разными областями государства, ускорил развитие денежного хозяйства, т.-е повысил торговое значение города, и тем самым произвел очень важные изменения и в формах землевладения и деревенского хозяйства:

поместье и монастырская вотчина начала отживать свое время, стала расти барщина, барская запашка и несвободный земледельческий труд. Этим новым явлениям суждено было сыграть первостепенную роль в истории дореформенной России XVIII и XIX веков.

V.

Город и деревня в новой крепостной России (в XVIII и первой половинѣ XIX века).

Период новой крепостной России находится в чрезвычайно тесной связи с Московским государством. Оставляя в стороне отдѣльныя частности, нужно вообще признать, что в России XVIII и первой половины XIX столетия развились и определеннее сложились те явления, которые наметились в Московской Руси. Это, прежде всего, следует сказать об основном экономическом явлении периода,—развитии денежного хозяйства. В этом отношении трудно провести между XVII и XVIII столетиями разграничительную черту даже в том условном смысле, в каком обыкновенно понимается деление истории на периоды или эпохи: в сущности, начиная с половины XVI века и до половины XIX длится все одна *первая* стадия в развитии денежного хозяйства в России, характеризующаяся тем, что все еще не большинство населения захвачено торговым оборотом и при том захвачено не целиком, не во всех хозяйственных функциях, так что многие потребности удовлетворяются по прежнему домашним производством.

Довольно многочисленные и разнообразные наблюдения указывают на рост денежного хозяйства, в новой крепостной, дореформенной России. Прежде всего бросается в глаза очень значительное расширение

внешней торговли, особенно морской. Начало этому расширению морской заграничной торговли было положено лучшим устройством Архангельского порта при Петре Великом и завоеванием сначала Азова, потерянного, впрочем, после Прутского похода на довольно продолжительное время, как и основанный на Азовском море Таганрог, а потом берегов Балтийского моря у Швеции, причем в руки России перешли такие важные порты, как Рига и Ревель, а в 1703 году был основан Петербург, ставший скоро главным средоточием внешней торговли. В последующее время торговля всех этих портовых городов сильно возросла и, кроме того, прибавился новый крупный пункт вывозной торговли Одесса. — В первые годы XIX века ценность русского вывоза заграницу доходила до 75 миллионов рублей, а иностранных товаров ввозилось тогда в Россию на 52 миллиона рублей. Росту внешней торговли соответствовало и развитие внутренних меновых сношений. Прежде не только в крестьянском, но и в аворянском обиходе довольствовались для удовлетворения своих потребностей продуктами исключительно домашнего производства, не покупавшимися, а доставшимися даром: употребляли, напр., грубое домашнее сукно и домотканное полотно. Но уже в XVIII веке эти примитивные ткани стали заменяться в потреблении *покупным* более тонким сукном, ситцем и миткалем. Этим пробивалась значительная брешь в твердыне натурального хозяйства. Что денежное хозяйство проникло и в крестьянскую среду, заставило и крепостных земледельцев считаться с условиями рынка, — это доказывается, прежде всего, ростом денежного оброка, в ущерб натуральному, заменой последнего первым; без товарного производства, без участия крестьян в торговле, такое явление было бы немыслимо. Нельзя далее

не обратить внимания на развитие крестьянских отхожих промыслов особенно в XIX веке: в центральных губерниях половина, две трети, даже три четверти крестьянского мужского населения отправлялись ежегодно в отход, что также незаметно втягивало народные массы в торговый оборот. Наконец, можно наблюдать, как торговая деятельность помогает отдельным способным и предприимчивым личностям выдвинуться вперед, выделиться из рядового крестьянства, нажить крупные капиталы и выкупиться на волю. Достаточно указать на такие яркие примеры, как обращение многих кустарей-набойщиков села Иванова, Шуйского уезда, в крупных фабрикантов, возникновение фабрики Морозовых, тоже бывших крепостных крестьян, в Зуеве Московской губернии в 1797 году, и обагощение Кондратовых, основавших свой металлический завод в селе Ваче, Муромского уезда, в 1831 году.

Переходя к характеристике относительного значения других отраслей народного производства в России XVIII и первой половины XIX века, следует, прежде всего, констатировать тот факт, что, как и в предыдущий период, Россия оставалась и в изучаемое время по преимуществу *земледельческой* страной, полевое хозяйство продолжало играть первенствующую роль в экономической ее жизни. Новым в этом отношении было только то, что обнаружилось довольно резкое определенное различие между средней и северной неземледельческой и южной, заокской земледельческой областями. В основе этого различия лежали, несомненно, естественные—климатические и почвенные—особенности названных областей: тучный южный чернозем и мягкий, благодатный степной климат в высокой степени благоприятствовали земледелию, климат и почва сурового севера и северо-востока никогда, как мы знаем, не давали воз-

можности северному крестьянину заняться полевым хозяйством, а влекли его к промыслам горному (в Приуралье), соляному, рыболовному или охотничьему; что касается центрального района, то, не обладая естественными богатствами севера, открывавшими простор для добывающей промышленности, и не отличаясь такими хорошими климатическими и почвенными условиями, какие содействовали развитию земледелия на юге, он сделался областью, на долю которой выпала задача устранить существенный недостаток, каким страдала экономическая жизнь Московского государства—недостаток в правильно-поставленной обрабатывающей промышленности. В центре России уже в XVIII веке земледелие, сохраняя свое преобладание, теряет все-таки прежнее исключительное значение под влиянием развития здесь именно обрабатывающей промышленности. Эта последняя прививается в жизни в различных формах, из которых главных четыре: 1) домашнее производство для домашнего потребления производящей семьи, при полном отсутствии обмена, 2) ремесло или мелкое кустарное производство: рабочий производит на заказ для определенного потребителя; иногда он открывает и специальную небольшую лавку для случайных покупателей, круг которых невелик, так что производство расчитано при этом на небольшой местный рынок; 3) товарно-кустарное производство: кустарь производит продукты на обширный рынок, иногда даже на заграничный, но сбывает он их потребителям не сам, а через посредство капиталиста-скупщика, так что, хотя производство все еще остается мелким, но сбыт товаров организуется уже капиталистически; 4) фабрично-заводская промышленность: крупные предприниматели-капиталисты берут в свои руки не только сбыт продуктов, но и их произ-

водство. Первые две из этих форм—домашнее и мелкое кустарное производство или ремесло—существовали еще в Киевской и удельной Руси, не говоря уже о Московской, и у нас уже шла о них речь раньше в свое время. Они продолжали существовать и в XVIII и XIX веках, сохранились и до настоящего времени и долго еще не исчезнут, но с течением времени неудержимо клонятся к упадку, подавляемые развитием денежного хозяйства и конкуренцией товарно-кустарного и фабрично-заводского производства. Что касается этих последних, то зародыши их становятся заметны лишь в XVI и XVII веках. «В Калуге», — говорит посол германского императора Сигизмунд Герберштейн, посетивший Московское государство в первой четверти XVI столетия,—«делают деревянные кубки, искусно украшенные резьбой, и другие деревянные вещи, необходимые в домашнем обиходе; *отсюда они вывозятся в Московию, Литву и другие соседние страны*». Вот яркий пример товарно-кустарного производства, расчитанного не только на обширный внутренний сбыт, но и на заграничные рынки. Первые фабрики были открыты в том же XVI веке: это были так называемые «бумажные мельницы», т.-е. фабрики для производства писчей бумаги, но они плохо привились, хотя существовали, по уцелевшим известиям, и в XVII веке. В царствовании Михаила Федоровича и Алексея Михайловича возникли другие заводы и фабрики: напр., стеклянные и особенно металлические, из которых особенно известны заводы Виниуса в Туле, Марселиса в Костроме и на Шексне и Акемы в Малоярославецком уезде нынешней Калужской губернии. Но все это были лишь спорадически встречавшиеся зародыши той товарно-кустарной и фабрично-заводской промышленности, которая становится важным элементом русской экономической

жизни за последние два столетия. Рост русской фабричной промышленности в XVIII веке лучше всего характеризуется следующими цифрами: в конце царствования Петра Великого во всем государстве было 233 фабрики; спустя сорок лет, в 1762 году—считалось уже 984 фабрики, а еще через 35 лет—в 1796 году—общее число фабрик доходило уже до 3.161. Другими словами, в 70 слишком лет число фабрик увеличилось почти в 14 раз. В XIX веке развитие фабричной производительности продолжалось и даже, по всем признакам, шло ускоренным темпом. Одновременно с этим, особенно с царствования императрицы Екатерины II, стало распространяться и товарно-кустарное производство. Оно возникло главным образом, из двух источников: во-первых, оно было дальнейшей стадией развития первобытных форм обрабатывающей промышленности—домашнего и мелкого кустарного производства, или ремесла; во-вторых, оно явилось результатом разложения некоторых фабрик XVIII века: фабричные рабочие разносили по деревням известные приемы того или другого производства, которым они научились на фабрике, и. таким образом, появились кустарные промыслы, нередко успешно конкурировавшие с фабрикой. Были и другие второстепенные источники товарно-кустарного производства XVIII века: иногда помещики культивировали в среде своих крестьян те или другие отрасли обрабатывающей промышленности, выписывая из-за границы мастеров для обучения крестьян или отправляя последних на выучку в города к городским ремесленникам; иные отрасли кустарной промышленности были, наконец, непосредственными преемницами существовавшего еще в XVI и XVII веках товарно-кустарного производства. Под влиянием всех этих обстоятельств во второй половине XVIII столетия из кустар-

ных промыслов достигли расцвета пряжа и тканье льна, деревянные и железные изделия, скорняжное, сыромятное и кожевенное дело. Но особенно развернулось товарно-кустарное производство в царствование императора Николая I. К этому именно времени—к 40-м и 50-м годам XIX века—относится процветание большинства известных теперь важнейших центров товарно-кустарного производства, как Павлова, Иваново-Вознесенска, Ворсмы, Кимр и т. д. Вообще непрерывное и довольно быстрое развитие обрабатывающей промышленности в обоих ее высших формах—товарно-кустарной и фабрично-заводской—является одним из наиболее характерных процессов в экономической жизни новой дореформенной России. Не следует только думать, что этот процесс превратил значительную часть территории государства из деревни в город: кое-где такие превращения, конечно, заметны, и чем ближе к концу периода, тем чаще, но в большинстве случаев обрабатывающая промышленность была второстепенным, побочным занятием жителей, главным оставалось земледелие. Лучшим доказательством этого служит тот факт, что из 21.000 человек крепостных, приписанных в период времени с 1721 по 1762 год к фабрикам, т. е. предназначенных специально для занятия обрабатывающею промышленностью, лишь 8000 человек были заняты фабричной работой и то не исключительно, остальные же все свое время посвящали земледельческим занятиям. Конечно, нельзя упускать из виду и некоторое развитие ремесла в городах. Об этом свидетельствует, между прочим, факт установления цеховой ремесленной организации; основу ей пытался положить еще Петр Великий; жалованная грамота городам, изданная в 1758 году Екатериной II, содержит уже в себе важную часть—«ремесленный устав», в подробностях разраба-

ıпывающий существующее в главнЬıх чертах и до сих пор цеховое устройство. ЗаконодательнЬıе меры Петра и Екатерины бЬıли созданЬı реальнЬıми экономическими потребностями, ростом ремесла, и вовсе не являлись поэтому искусственнЬıми, бесплоднЬıми проектами, не прививщимися к жизни.

Итак, в относительном значении разнЬıх отраслей производства в новой крепостной России совершились следующие две перемены сравнительно с Московскою Русью: во-первЬıх, пошло дальше развитие денежного хозяйства внутренней и внешней торговли; во-вторЬıх, сделала крупнЬıе шаги вперед обрабатЬıвающая промЬıшленность.

Говоря о *системе хозяйства* и затем о *формах хозяйственной эксплуатации труда*, мЬı будем сейчас иметь в виду лишь *типические* для данного момента явления, относящиеся собственно к XVIII веку; о тех зачатках новЬıх порядков, какие в этом отношении обнаружились уже в XIX веке, речь пойдет позднее, при изучении истории хозяйственного развития России во второй половине истекшего столетия.

XVII век завещал изучаемому периоду преобладание переложной системЬı на большай части территории страны и начавшееся в наиболее населенных в то время областях распространение трехпольной или паровой-зерновой системЬı, преимущественно при этом экстенсивной, т.-е. такой, когда еще целая половина и и во всяком случае более трети пахатной земли находится под паром. Из этого видно, как много предстояло сделать XVIII-му столетию для улучшения земледельческой техники. Там, где переложная система господствовала вполне и безраздельно, с XVIII века начала распространяться экстенсивная-трехпольная, а недоразвитое трехполье, в свою очередь, стало сменяться

настоящей паровой-зерновой системой с трехпольным севооборотом, с правильным делением пахотной земли на три поля, так что только треть ее оставалась ежегодно без посева. Вообще в течение XVIII века трехпольная система становится все более типичной, характерной для нашего отечества. Техника обрабатывающей промышленности была в то же время несравненно ниже, чем система земледелия: не только русский кустарь работал руками, с помощью самых примитивных орудий,—то же самое было и на фабрике. В сущности, фабрика XVIII века не заслуживала этого громкого названия: она была мануфактурной, обходилась без машин, ручным трудом, чем и обусловливалась возможность успешной конкуренции с нею со стороны кустарного производства, которое с технической стороны было, таким образом, не ниже фабричного. Достаточно сказать, что русской обрабатывающей промышленности XVIII столетия был неизвестен даже такой нехитрый и несложный инструмент, как самопрялка. Наконец, и техника торговли была довольно примитивна и недалеко ушла от коммерческой техники Московского государства по той причине, что мало улучшились и пути сообщения: попрежнему господствовала ярмарочно-караванная система, которая и привела к процветанию в то время знаменитого „всероссийского торжища"—Макарьевской ярмарки.

С точки зрения *форм хозяйства*, XVIII век нужно признать типической *крепостной* эпохой, времени безраздельного господства несвободного труда. В области земледельческого производства это выразилось прежде всего в сильном развитии барщины особенно в черноземной полосе. Известно, например, что в начале царствования Екатерины II в Рязанской губернии 81% всех крепостных крестьян сидели на барщине, соответствую-

щий процент для Тульской и Курской губерний доходил до 92, для Орловской до 66. Даже в нечерноземных губерниях процент барщинных крестьян был чрезвычайно высок: в Московской губернии барщиной были обязаны 64% всех крепостных, во Владимирской 50%, в Новгородской 51%, в Тверской 54%, а в Псковской губернии даже 79%. Можно, таким образом, признать, что в подавляющем большинстве случаев помещичья пашня обрабатывалась крестьянской барщиной. При этом не надо забывать, что размеры барской запашки расширялись вследствие постепенно увеличивавшейся выгодности хлебной торговли. Бывали имения, разумеется, в виде исключения, в которых вся удобная земля обращалась под владельческую пашню; крестьянам ничего не оставалось, и они превращались в безземельных крепостных рабочих, получавших от владельца пропитание натурой или «месячину». Спешим оговориться: за исключением отдельных ненормальностей и злоупотреблений, барщина, как и вообще крепостная организация хозяйства, соответствовала в XVIII веке хозяйственным интересам не одних только владельцев-дворян, но и крепостного крестьянского населения: в первой стадии развития денежного хозяйства, когда совершается еще первоначальная перестройка экономических отношений на новую основу, экономически-слабые элементы общества, какими, несомненно, и были крестьяне, не могут обойтись без посторонней поддержки, которую и получают от дворян-землевладельцев, — отсюда прочность крепостных порядков; в то же время недостаток денежных средств делает для народной массы более удобной и выгодной барщину, чем требующийся по условиям времени денежный оброк. Крепостной труд соответствовал, вообще говоря, и системе земледелия: подневольная работа отличается, как известно, слабой производи-

тельностью, но переложная и трехпольная, особенно недоразвитая трехпольная системы земледелия и не требуют напряженного, особенно производительного труда. Это замечание еще более справедливо по отношению к обрабатывающей промышленности, техника которой, как мы видели, отличалась крайней примитивностью. Вот почему XVIII век есть время, когда труд на фабриках и заводах был почти сплошь несвободный. Когда Петр Великий стал покровительствовать русской фабрично-заводской промышленности, то он вынужден был опереться в этом деле на русский купеческий капитал, созданный вековой историей русской торговли в предыдущие периоды исторической жизни России. Купеческая фабрика, развившаяся при Петре, нуждалась в рабочих. По вольному найму их было почти невозможно найти при крайнем развитии крепостного права, при усиленной эксплуатации труда крепостных самими владельцами последних. Крепостными в собственном смысле купцы владеть не могли, потому что это была специальная дворянская привилегия. Поэтому в 1721 году Петр разрешил фабрикантам не дворянам покупать крестьян к фабрикам с обязательством, чтобы они оставались навсегда приписанными к последним, а не становились собственностью владельцев. Такие приписанные к фабрикам несвободные рабочие получили впоследствии название посессионных. Правда, Петр III запретил покупку крестьян к фабрикам и это запрещение было подтверждено Екатериной II, но император Павел в 1793 году вновь разрешил покупать крестьян для употребления в фабричной промышленности. Купеческая посессионная фабрика господствовала, главным образом, в первой половине XVIII. Во второй его половине на первый план выдвинулась помещичья, дворянская фабрика, особенно развившаяся в

царствование Екатерины II. Эта фабрика работала уже прямо крепостными. Таким образом, формы хозяйства и в обрабатывающей промышленности XVIII века, как и в земледелии, были чисто-крепостными.

Чтобы закончить изучение экономической жизни новой крепостной России, нам остается рассмотреть *формы землевладения* в XVIII веке, не оставшиеся без влияния уже известных нам теперь хозяйственных явлений.

Мы имели уже случай убедиться, что поместье и монастырская вотчина—формы землевладения, преобладавшие во вторую стадию развития натурального хозяйства, когда господства достигает земледелие,—оказались неудобными и стеснительными, как только зародилось денежное хозяйство, потому что денежное хозяйство требует свободы перехода земли из рук в руки и возможности превращать землю в денежный капитал, между тем, как ни поместье, ни монастырская вотчина не удовлетворяли этим требованиям. Правда, обе эти формы земельного владения сохранили свое существование в XVII веке, но уже тогда было заметно увеличение служилого вотчинного землевладения на счет поместной земли, и, кроме того, рост монастырских владений значительно сократился, если не совсем прекратился, да и самая юридическая природа монастырского и особенно поместного землевладения подверглась переменам: неотчуждаемость монастырской недвижимой собственности не всегда строго соблюдалась, а поместья разрешено было менять и сдавать за деньги. Так уже в XVII столетии поместье и монастырская вотчина представляются институтами устаревшими, отживающими свой век. Начало следующего столетия положило конец, прежде всего, поместной системе, как виду земельного владения, наименее соответство-

вавшему экономическим условиям времени. В 1714 году указом Петра Великого, поместья и вотчины были слиты в один вид дворянской недвижимой собственности, подлежащей свободному отчуждению по воле владельца. Правда, этот указ налагал на дворян одно важное ограничение; им была установлена неделимость недвижимой собственности, единонаследие, т.-е. обязательность передачи имения *одному* из сыновей владельца, без раздела с другими, но вскоре, при императрице Анне единонаследие, согласно желанию дворянства, было отменено. После того ограничение свободы отчуждения осталось только для родовых имений, а в остальных имениях дворян простирались лишь на крепостных крестьян: так как крепостными могли владеть одни только дворяне, то и отчуждать *населенные* имения можно было лишь дворянам же. Не трудно заметить, что, несмотря на эти ограничения, дворянская недвижимая собственность XVIII и первой половины XIX века более, чем поместья XVII столетия, соответствовала экономическим условиям первой стадии развития денежного хозяйства: теперь уже открывалась в известной мере свобода гражданского оборота земли, ее продажи и залога. Неполнота этой свободы оборота недвижимой собственности обусловливалась именно тем, что денежное хозяйство переживало до половины XIX века лишь первую, зачаточную стадию своего развития. Монастырская вотчина была несколько лишь долговечнее поместья: она существовала лишь до 1764 года, когда императрица Екатерина II произвела секуляризацию монастырских имений, т.-е. отобрала в казну землю у монастырей и передала их в заведывание особого учреждения, так-называемой коллегии экономии; с тех пор бывшие монастырские крестьяне получили название экономических. Они занимали положение, во многом

подобное положению государственных крестьян, живших на землях, которые принадлежали государству. Таким образом, денежное хозяйство в первой стадии своего развития повело к уничтожению поместного и монастырского землевладения и к господству сословной дворянской вотчины и государственных земель. Государственные земли и дворянское землевладение имели одну общую черту, составлявшую в то же время характернейший продукт изучаемого времени: и на государственной, и на владельческой земле появилась в XVIII и начале XIX века новая форма крестьянского землепользования. Вся земля, удобная для полевого хозяйства, которою владело государство, отдавалась в пользование государственным крестьянам; с другой стороны, и помещики обыкновенно отдавали в пользование своим крепостным за оброк или барщину известную часть имения.—в разных губерниях от 45 до 80% всей земли эксплуатировалось крепостными на себя. Нам уже известно, что пока крестьяне были свободны, каждый из них садился на определенный подворный участок и обрабатывал его вне непосредственной хозяйственной зависимости от своих односельчан. Так продолжалось и первое время после установления крепостного права: землевладелец—будь то дворянин или государство, все равно—имел дело с каждым отдельным крестьянином в отношении хозяйственного обеспечения последнего, снабжения его землей в достаточном количестве. Но к половине XVIII века в центре России и к началу следующего столетия на севере плотность населения настолько увеличилась, что многие крестьяне стали ощущать недостаток земли, а у других в пользовании оставались очень крупные участки. Таким образом, начали выделяться два слоя среди крепостной крестьянской массы: во-первых, крестьяне богатые, вполне

иногда и с избытком, обеспеченные землей; во-вторых, малоземельные бедняки, крепостной пролетариат. Само собою разумеется, что это расслоение не обошлось без влияния, медленно, но неуклонно развивавшегося денежного хозяйства, создававшего имущественное неравенство, принижавшего одних и возвышавшего других. Малоземельное большинство, конечно, сильно страдало от недостатка земли, тем более, что подушная подать, введенная Петром Великим и налагавшаяся на все мужское податное население, без различия возраста и достатка, падала в такой же мере на бедных крестьян, как и на богатых. И вот бедняки сначала на владельческих землях, а потом на государственных, начинают всеми силами добиваться „земельного поравнения", передела всей земли, находившейся в крестьянском пользовании, по наличным душам мужского пола. Интересы крепостного пролетариата вполне совпадали с материальными выгодами землевладельцев и казны; и те и другая зорко следили за исправным поступлением оброков и подушного сбора, а для этого необходимо было, чтобы каждая крестьянская семья пользовалась таким количеством земли, которое приблизительно соответствовало бы размерам платежей, выпадавших на ее долю. Так как развитие крепостных отношений привело к торжеству взгляда на всю землю, как полную и безусловную собственность помещика, то последний приобрел возможность личным распоряжением установить уравнительно-душевой передел земли между крестьянами. Это и было сделано постепенно в XVIII веке на дворянских землях всей Великороссии и в первой половине XIX века на государственных землях севера. Установленный однажды, передел стал затем повторяться периодически, через определенные промежутки времени, по мере изменения количества душ мужского пола в

отдельных семьях и в целом крестьянском обществе или мире. *Так положено было начало первому элементу земельной общины или мирского землепользования—периодическим переделам.* На этом дело не остановилось и не могло остановиться. Идея уравнительно-душевого передела включает в себя понятие о том, что на каждую наличную крестьянскую душу мужского пола должен приходиться земельный участок, совершенно равный другим таким же участкам. Между тем, никогда не бывает, чтобы вся земля, находящаяся в пользовании крестьян одной деревни, была одинакового качества: обыкновенно часть ее хороша, плодородна, другая часть среднего достоинства, бывает и земля совсем худая. Стремясь соблюсти необходимое равенство между душевыми участками, мирской сход лишен, поэтому, возможности отводить всю землю на отдельную душу сплошь; приходится разделить землю на „коны“ или „ярусы“, по степени ее плодородия и затем на каждый душевой участок отделить по равной с другими полосе в каждом кону или ярусе. Предположим, например, что мы имеем деревню в 10 душ мужского пола, и что земля этой деревни делится по степени ее производительности (по качеству почвы) на три кона: первый кон составляют 10 десятин хорошей, плодородной почвы; второй—20 десятин средней и третий 5 десятин худой земли, напр., песчаной, болотистой или каменистой. На каждую душу при таких условиях придется отделить в первом кону 1 десятину, во втором 2 десятины и в третьем $^1/_2$ десятины. Таким образом, душевой участок в $3^1/_2$ десятины в нашем примере распадается на три расположенных в разных местах полосы, перемежающиеся полосами, входящими в состав других душевых участков. *Вот второй элемент крепостной земельной общины—чересполосица.*[1] *Третий важный ее элемент — так-называемый*

принудительный севооборот, т.-е. обязательность для каждого крестьянина обычных в общине приемов хозяйства, одной общей с другими крестьянами системы земледелия. Эта черта, помимо чересполосицы и периодических переделов, является непосредственным результатом господства трехпольной системы полевого хозяйства: трехпольная система предполагает необходимость пастьбы скота на полях после снятия жатвы; для этого, очевидно, нужно одновременно закончить уборку хлеба во всей деревне, иначе скот будет портить неубранный хлеб; а одновременное завершение полевых работ требует одинаковой их организации во всех однодеревенских хозяйствах, т.-е. обязательного севооборота.

Так возникла в XVIII веке крепостная земельная община, то крестьянское мирское землевладение, которое и теперь еще господствует в Великороссии. Изучая происхождение этого учреждения, мы коснулись вместе с тем и вопроса об имущественных отношениях крестьянства и дворянства, следовательно, вошли уже в сферу социального строя, сословных прав. Большинство тех экономических явлений, которые выше замечены, представляют собою, как мы видели, не что иное, как дальнейшее развитие того, что существовало уже в Московской Руси XVII века: преобладание земледелия, развитие обрабатывающей промышленности, рост денежного хозяйства, уничтожение поместья и монастырской вотчины, торжество полной дворянской земельной собственности, увеличение барской запашки и барщины, распространение денежного оброка вместо натурального, — все это явления, родившиеся не вместе с реформой Петра Великого, в значительной степени характеризовавшие собою экономический быт Московского государства. Перерыва, пропасти между московскими

традициями и петровскими нововведениями мы тщетно стали бы искать: вторые последовательно и постепенно развились из первых. Самое большее, что приходится отметить в этом отношении, — это количественная разница, большая яркость и определенность явлений в XVIII и XIX столетиях сравнительно с предшествующим временем. Такой связи экономических явлений соответствует и известная взаимная зависимость процессов социальных и политических, совершавшихся в Московском государстве и в новой крепостной России. Устройство общества сохранило, в некоторых отношениях даже и усилило и лишь кое в чем ослабило в XVIII веке те две характерных черты, которые наметились в предшествующем периоде,— именно, сословность и крепостной характер. Так, дворяне по-прежнему были обязаны служить государству, сначала по преимуществу в военной службе, при чем, за уклонение от службы ждала чрезвычайно суровая кара: конфискация имущества и даже—при Петре Великом—политическая смерть, оставление «нетчика», т.-е. дворянина, не явившегося на службу, без защиты закона, так что каждый мог его обидеть, ограбить, даже убить безнаказанно. Правда, при императрице Анне срок обязательной военной службы дворянства был сокращен до 25 лет, а по манифесту Петра III, изданному 18-го февраля 1762 года, дворянство было совершенно освобождено от обязательной службы государству, но это освобождение было в сущности только формальным, так как «Учреждение о губерниях», изданное Екатериной II в 1775 году, возложило на дворянское сословие целый ряд важных обязанностей по областному управлению: дворянство выбирало из своей среды множество чиновников в губернские административные и судебные учреждения. По остроумному выражению одного иссле-

дователя, дворяне были только перечислены по обязательной службе из военного министерства в министерство внутренних дел. Таким образом, в организации дворянского сословия начало обязанности по-прежнему преобладало над принципом права, крепостной характер сословия не подлежал сомнению. Но не менее резко была выражена в дворянстве и другая черта общественного строя—сословность. Специальные дворянские сословные права формулированы были с особенною ясностью и определенностью при Екатерине II в жалованной грамоте дворянству 1785 г. Главные *личные* права дворянства по этой грамоте заключаются в свободе от податей и рекрутской повинности и в неприкосновенности дворянского звания без наличности особых преступлений, доказанных по суду. В то же время дворяне обладали двумя важными *имущественными* правами: правом неограниченного распоряжения всем имуществом движимым и недвижимым и правом владеть крепостными крестьянами. Наконец, *корпоративные* права дворянства подверглись дальнейшему развитию: они состояли в праве выбирать на дворянских губернских собраниях губернского и уездных предводителей и депутатов для заведывания сословными делами, особенно записью лиц, приобретающих дворянство, в родословные книги; дворянские собрания получили право ходатайствовать о своих сословных пользах и нуждах и даже об общегосударственных делах непосредственно перед верховной властью. Сословность и крепостной характер общественного строя не менее ясны были и в организации городского сословия в XVIII веке. При Петре Великом городское сословие оставалось всецело крепостным: правда, Петр учредил в Москве ратушу или бурмистерскую палату с подчиненными ей в городах земскими избами, а потом заменил их по городам магистратами,

подчиненными петербургскому главному магистрату, при чем, все эти учреждения состояли из лиц, выбиравшихся городским сословием, но и бурмистерская палата с земскими избами и магистраты были построены на начале обязанности, заведывали, главным образом, сбором податей в городах. Это начало обязанности было сильно выражено даже в жалованной грамоте городам, данной Екатериною II в 1785 году, хотя здесь заметно уже и зарождение принципа права, потому что городские дела и городское благоустройство занимают уже не последнее место в ведомстве выбиравшейся городскими обывателями городской общей думы, которая в свою очередь выбирала для постоянного заведывания городскими делами исполнительный орган—шестигласную думу из шести лиц во главе с городским головой. Зато здесь вполне господствовала сословность: каждая из шести сословных групп, на которые делилось городское население, имела особое представительство в общей думе и особый голос в думе шестигласной.

Что касается, наконец, крестьянства, то безусловное господство крепостного права в этом сословии — факт общеизвестный и прочно установленный; прежде всего, переход крестьян от одного землевладельца к другому сделан был совершенно невозможным, вследствие чрезвычайной строгости кары, постигавшей землевладельцев, которые принимали беглых крестьян: за невозвращение беглого крестьянина грозила полная потеря имения, половина которого поступала лицам, чьи беглые крестьяне оказывались в имении, а половина конфисковалась в казну; затем установились мало-помалу вотчинная юстиция и полиция, владельческий суд и расправа по всем делам, кроме важнейших уголовных: в шестидесятых годах XVIII века владельцы получили право ссылать крестьян в Сибирь на поселение, с заче-

том их в рекруты, а также отправлять крепостных за дерзкое поведение на каторгу. Не надо, наконец, забывать, что в конце столетия крепостное право было распространено на Малороссию, и что Екатерина II и Павел I раздавали крестьян в собственность дворянства целыми сотнями тысяч душ.

Мы видели в свое время, какое важное значение для политической и административной истории Московского государства имели торжество рядового дворянства над боярской аристократией, проникнутой олигархическими стремлениями, и зарождение денежного хозяйства, сильно содействовавшее утверждению идеи о государстве, как союзе, имеющем целью общее благо, а не личный интерес. То же сочетание социально-экономических сил можно наблюдать, как мы знаем, и в новой крепостной России, — только в большей степени, чем то было в Московском государстве. Вот почему общая постановка верховной власти и административный строй XVIII и первой половины XIX века представляют собою естественное продолжение соответствующих явлений XVII столетия и отличаются от последних не принципиально, не в основных началах, а в частностях. В течение всего изучаемого периода самодержавие оставалось незыблемым, и отдельные попытки иной постановки верховной власти встречали дружный отпор со стороны дворянской массы, задававшей основной тон всей общественной и государственной жизни; эти попытки были, притом, чрезвычайно редки и отличались или устарелым олигархическим направлением, как известная попытка верховников при воцарении императрицы Анны, или подражательным и в значительной мере утопическим характером, составлявшим одну из наиболее отличительных черт в мечтаниях декабристов. Но оставаясь самодержавной, вер-

ховная власть в России XVIII и XIX веков в то же время все более и более проникалась государственной идеей общего блага, утрачивала все более и более старый вотчинный характер и организовала, поэтому, ряд высших учреждений для законодательства, высшего суда и надзора за администрацией. Уже Петр Великий ясно сознавал, что государь—не владелец, не собственник государства, а первый его слуга, и что неограниченность верховной власти государя не стоит в противоречии с существованием высших государственных учреждений, действующих самостоятельно в круге дел предоставленных их ведению. Это сознание нашло себе лучшее выражение в высшем учреждении Петровской эпохи—правительствующем сенате. Но сенат представлял собою еще слишком сложное учреждение: он ведал не только законодательство, но и суд; мало того: в в нем сосредоточивался еще надзор за управлением и руководство всей исполнительной властью и деятельностью в государстве. Чрезмерная многосложность сенатского ведомста вызвала выделение законодательной (точнее: законосовещательной) функции и передачу ее в руки другого учреждения: верховного тайного совета при Екатерине I и Петре II, кабинета министров при Анне, конференции при Елизавете, совета при Екатерине II и Павле I. Этот ряд учреждений имевших своей главной целью дачу совета монарху в его законодательной деятельности завершился установлением при Александре I государственного совета, преобразованного в правильное учреждение с постоянным составом и определенным ведомством по плану Сперанского.

Экономические потребности времени — необходимость развития внешней торговли и обрабатывающей промышленности—продиктовали русской внешней поли-

тике начала XVIII века ее главную задачу—приобретение берегов Балтийского моря. Возгоревшаяся отсюда война с обладавшею этими берегами Швецией была внешним стимулом для административных преобразований Петра Великого, ставших, в свою очередь, исходным пунктом дальнейших перемен в управлении, которые завершились в изучаемый период реформами Александра I. Известна та связь, какая существовала между фактами административной истории XVIII и первой половины XIX века. Она сводится, приблизительно, к следующему: военно-финансовые потребности, вызванные войной и состоявшие в необходимости содержать отдельные корпуса армии на счет определенных областей, создали петровскую губернию 1710 года; эта губерния была независима от уцелевших еще старых московских центральных учреждений, приказов, и потому разрушила последние; в центре осталось только одно учреждение — сенат; так как ему не под силу было справиться со всей сложностью многочисленных государственных дел, стекавшихся в столицу, то стала неизбежной новая реорганизация административной системы; Петр произвел ее в 1720 году, учредив для центрального управления коллегии и видоизменив губернские учреждения; дело Петра продолжала Екатерина II, преобразовавшая областное управление в „Учреждение о губерниях" 1775 года; но во главе каждой из Екатерининских губерний стояло должностное лицо (наместник, потом губернатор) с чрезвычайно обширной властью, имевшее непосредственное отношение к сенату и посреднику между сенатом и императорской властью — генерал-прокурору, а высшие губернские учреждения — губернское правление, казенная палата и палаты гражданского и уголовного суда — по значению своему приравнивались законом к коллегиям; все это разрушило

снова центральные учреждения, и только при Александре I эти последние, благодаря трудам Сперанского, были наконец правильно организованы: появились министерства с точным кругом ведомства, ответственностью министров и быстротою административных действий. Так развитие административной системы, имея своим исходным пунктом экономические потребности, в последовательном своем ходе подчеркивало идею общего блага, как основу государственного союза, и окончательно устраняло остатки прежних бессистемности, случайности поручений, неопределенности ведомства, непостоянства состава органов управления. Нет сомнения, что из экономических явлений *непосредственное* влияние на политический строй и административную систему оказывало почти исключительно развитие денежного хозяйства. Другие явления хозяйственной жизни изучаемого периода отражались в сфере государственных отношений через посредство социального строя.

Сказанное дает возможность ответить на вопросы, каковы были взаимные отношения города и деревни в новой крепостной России, и в какой мере отразились условия городской и сельской жизни на общем ходе исторического развития русского народа в данный период? Нельзя не признать, что, если в Московской Руси город вступил уже в органическую связь с деревней и стал достаточно заметным элементом общественной жизни, то в новой крепостной России эта связь стала крепче, и влияние города сделалось сильнее. Причину этого надо видеть не только в том, что издревле существовавшая отрасль городской промышленности—торговля—значительно увеличилась и оживилась сравнительно с предшествующим временем, и и в том, что город перестал быть почти исключи-

тельно торговым центром, а приобрел также некоторое значение, как средоточие обрабатывающей, фабрично-заводской промышленности. Взвешивая теперь относительное значение городской и сельской промышленности в XVIII и первой половине XIX века для общего хода исторической жизни этого периода, мы должны будем признать за условиями деревенской жизни попрежнему доминирующее значение, хотя это их превосходство является, несомненно, еще менее исключительным, чем в Московском государстве. В то же время нельзя подметить никакой особенной борьбы никакого противоречия между городским строем и деревенским бытом: общая гармония и единство выражены достаточно ясно. Самым серьезным изменением, предвестником нового хозяйственного периода, именно, наступающей в половине XIX века второй стадии развития денежного хозяйства, является перемена экономического типа городского поселения: постепенный переход от города, как исключительно торгового центра, к городу, как центру торгово-промышленному. В этом залог дальнейшего преуспевания городского строя, а, следовательно, большего значения городской промышленности, с чем неразлучимо и более широкое распространение денежно-хозяйственной системы со всеми ее необходимыми последствиями в области социальных и политических отношений. Но это вводит нас уже в новейшую Россию, когда самые коренные устои русской народной жизни подвергались существенному изменению.

VI.

Город и деревня во второй половине XIX века.

С понятием о реформе многие прежде соединяли—некоторые отчасти и теперь соединяют—идею о резком перерыве, катастрофе, совершающейся внезапно чуть ли не по мановению какого-то волшебного жезла. Стоячее болото так и оставалось бы неподвижным, если бы не являлся великан, гениальный человек, который ведет инертное общество по новой дороге, часто даже вопреки воле этого общества. Историю делают великие люди, которые отнюдь не являются выразителями назревших потребностей и сложившихся стремлений, а, напротив, сами вызывают к жизни и потребности и стремления. Так думали, иногда и теперь думают, крайние индивидуалисты в истории, безусловные поклонники личного величия, самым талантливым представителем которых является автор известной книги «Герои и героическое в истории»—Карлейль. Лучшим опровержением такого взгляда, не говоря о других соображениях, являются указания на такие реформы, которые осуществились, несмотря на отсутствие гениальной личности. К числу таких реформ принадлежит отмена крепостной зависимости крестьян в России, произведенная Положением 19-го февраля 1861 года. Над этим великим делом работала, несомненно, целая плеяда талантливых деятелей, но тщетно мы стали бы искать между ними всеобъемлющего и все-

направляющего гения. Наблюдение над подобными случаями и другие побуждения заставляют многих иначе представлять себе происхождение преобразовательных мероприятий: его приписывают торжеству известных идей, распространению их в руководящих кругах общества. Несомненно, такое воззрение представляет собою уже значительный шаг вперед сравнительно с вышеотмеченным взглядом на исключительное значение героев в истории. Но ведь и идеи зарождаются не в безвоздушном пространстве, питаются и создаются неизбежными и неустранимыми житейскими условиями, не могут быть оторваны от почвы, их вскормившей. Вот почему главной задачей при изучении истории всякой реформы является изучение ее социально-экономической основы, тех, по преимуществу, хозяйственных условий, которые создают и известный круг идей, обращающихся в обществе и усваиваемых общественными деятелями, и возможность гениального синтеза и практического применения их великим человеком или более или менее многочисленной группой людей талантливых. Не то, чтобы все безусловно сводилось непосредственно к хозяйственным интересам и потребностям, но главное и основное в исторических переменах, несомненно, об'ясняется экономическим элементом. Поэтому, изучая причины падения крепостного права в России, события, имеющего первенствующее значение во второй половине XIX века и служащего видимым признаком важной общественной перемены, мы должны, прежде всего, отметить те новые явления, которые более или менее ясно обозначались в экономической жизни страны.

Говоря вообще, основной экономической причиной крестьянской реформы надо считать дальнейший рост денежного хозяйства, переход его во вторую стадию

развития, когда большая часть населения втягивается в торговый оборот, работает для рынка и для удовлетворения собственных потребностей закупает продукты чужого труда, выносимые также на рынок в виде товара. Этот процесс развития денежного хозяйства в первой половине XIX-го столетия характеризуется в значительной мере уже теми фактами, которые приведены при изложении экономической истории новой крепостной, дореформенной России. Поэтому мы ограничимся лишь указанием, что отмеченные там явления,—в роде увеличения количества и круга предметов, приобретаемых дворянством покупкою, замены натурального оброка денежным, развития крестьянского отхода на заработки, выделения из крестьянской массы отдельных богачей, крупных капиталистов.—находят себе соответствие в успехах внешней торговли в России и в перемене хозяйственного положения дворовых людей. Накануне крестьянской реформы ценность русского вывоза, простиравшаяся в начале XIX века до 75 миллионов рублей, поднялась до 230 миллионов; в то же время иностранных товаров ввозилось уже на 200 миллионов рублей, тогда как в начале столетия ввоз не превышал 52 миллионов. Что касается дворовых, то их хозяйственная роль изменилась в том смысле, что хотя общее количество дворовых и увеличивалось, но это увеличение приходилось на счет тех из них, которые были заняты в качестве рабочих в помещичьих промышленных предприятиях, работавших для сбыта, между тем как число дворовых, занятых в качестве личной прислуги, быстро шло на убыль; они стали непроизводительным классом, дармоедами, тяготившими владельцев, которые перестали нуждаться в их домашнем труде, так как начали приобретать предметы потребления по преимуществу покупкой. Перемена в

экономическом положении дворовых была замечена еще в 40-х годах путешествовавшим тогда по России немцем Гакстгаузеном и подтверждается для пятидесятых годов наблюдениями над отдельными помещичьими хозяйствами: так, в имении Шипова, Ярославской губернии, из общего числа 101 дворового, лишь 15 человек исполняли обязанности личной прислуги, служили в домашнем хозяйстве владельца; остальные были почти сплошь отпущены на оброк. Наконец, немаловажным признаком развития денежного хозяйства является очень быстрый рост купеческих капиталов: уже в 1822 году в Московской губернии общая сумма этих капиталов доходила до 27 миллионов рублей, а 11 лет спустя, в 1833 году, она достигла уже 39 миллионов, что составляет около 45% повышения в такой короткий срок, как одно десятилетие.

Рост денежного хозяйства служит несомненным признаком увеличившегося разделения труда, т.-е. развития обрабатывающей промышленности. Как быстро шло развитие русской фабрики в первой половине XIX века,—это видно из следующих примеров: в важнейшей из отраслей фабричной производительности, хлопчатобумажном производстве, количество перерабатываемого хлопка возросло за 50 лет в 16 раз; выплавка чугуна за то же время поднялась с 8 до 16 миллионов пудов; быстрое поступательное развитие суконного производства засвидетельствовано тем фактом, что в 1850 году в России считалось уже 492 суконных фабрики. Параллельно количественному росту фабричной производительности шло и улучшение ее техники: ручная работа стала заменяться машинной; мануфактура XVIII века превратилась в XIX веке в фабрику в истинном смысле этого слова. Так, уже в сороковых годах технический уровень хлопчатобумаж-

ного фабричного производства в России был очень высок. Развитие обрабатывающей фабрично-заводской промышленности и технический прогресс ее оказали чрезвычайно сильное влияние на самые формы эксплуатации народного труда в этой сфере производства. Мы видели в свое время, что фабрика XVIII века опиралась почти исключительно на несвободный труд,— крепостной, если она принадлежала дворянину-землевладельцу, и посессионный, если ею владел купец или выкупившийся на волю крестьянин. Но в XIX веке, под влиянием роста денежного хозяйства, вызвавшего увеличение спроса на продукты обрабатывающей промышленности и принудившего фабрикантов позаботиться о большей производительности фабричного труда, о введении машин и повышении качества фабрикатов, малопроизводительный, вследствие своего принудительного характера, несвободный труд стал заменяться более плодотворным вольнонаемным. Это, прежде всего отразилось в постепенном разложении основанной на крепостном труде дворянской фабрики, господствовавшей в Екатерининскую эпоху: в 30-х годах XIX века дворянские фабрики составляли уже только 15% общего числа фабрик, а в 40-годах процент их понизился до 5-ти. Помещичья фабрика распадалась на кустарные промыслы, из которых, в свою очередь, образовалась крестьянская фабрика, преобладавшая в 40-х и 50-х годах. Но на крестьянских и купеческих фабриках посессионный труд оказался маловыгодным. Фабриканты стали предпочитать свободных рабочих, так что в 1816 году Александр I навсегда запретил покупку крестьян к фабрикам, а в 1825 году уже 54% всех фабричных рабочих работали по вольному найму. В тридцатых годах фабриканты громко жалуются министру финансов на невыгодность посессионного труда. Под влиянием этого, в 1840 году

был издан закон, по которому фабриканты получили право освобождать своих посессионных рабочих за деньги или бесплатно. До какой степени этот закон соответствовал вполне назревшей потребности, видно из того, что им очень скоро воспользовались 103 фабрики: более половины посессионных фабрик перешли, таким образом, по желанию владельцев, к вольнонаемному труду. Итак, торжество крестьянской фабрики ознаменовалось к половине XIX века преобладанием вольнонаемного труда в обрабатывающей промышленности, а это последнее явление, вызывая усиленный спрос на свободных рабочих, неизбежно выдвигало вопрос о необходимости освободить крестьянское население от крепостной зависимости. Мы видим, следовательно, что развитие денежного хозяйства и неизбежный результат его—рост фабричной промышленности с наемным свободным трудом—подрывали крепостное право в его основаниях и выставляли крестьянскую реформу в качестве требования, совершенно необходимого в интересах народно-хозяйственного развития России. Такова первая экономическая причина падения крепостного права в России: ее мы нашли, таким образом, в процессе развития обрабатывающей промышленности.

Не менее, если не более, сильно, чем в обрабатывающей промышленности, общая перемена экономических условий сказалось в сфере земледельческого производства. Описанный сейчас рост фабричной производительности, неизбежно сопровождавшийся большим, чем прежде, разделением труда, специализацией, вызвал сильное повышение спроса на хлеб на внутреннем рынке страны. Этому соответствовал усиленный спрос на русский хлеб и на рынке внешнем, за границей: дело в том, что в XIX веке передовые западно-европейские

страны стали делать очень крупные шаги по пути индустриального развития, так что земледелие отступило в них на второй план перед фабричной промышленностью, а отсюда и явилась повышенная потребность в привозном хлебе, не удовлетворявшаяся местным, внутренним земледельческим производством. Увеличение спроса на хлеб на внутреннем и внешнем рынке потребовало от русского земледельческого хозяйства большей производительности: явилась нужда в большем количестве хлеба и при том, хлеба лучшего качества. Другими словами, был поставлен на очередь вопрос об улучшении земледельческой техники. В начале XIX века недоразвитая трехпольная система земледелия, т.-е. такая, при которой еще более трети, но менее половины всей пахотной земли остается ежегодно под паром, требующим навозного удобрения, господствовала еще на довольно значительной территории. Это можно было сказать в двадцатых годах отчасти даже о таких губерниях, как Калужская. Обширные восточные и южные окраины Европейской России и все азиатские владения в то же время и долго еще позднее оставались широкой ареной первобытного переложного земледелия. История техники русского полевого хозяйства в XIX веке сводится к процессу развития зачаточных стадий трехполья в чистую его форму, перехода от переложной системы к трехпольной и, наконец, к процессу появления еще более интенсивной, чем трехпольная, плодосменной системы земледелия, основанной на уничтожении пара, замене его посевом утучняющих почву трав, (клевера, вики) и смене зерновых хлебов корнеплодами, при чем, находят себе обширное приложение различные виды искусственного удобрения (туки, фосфориты и пр.). Уже в самом конце XVIII века смоленский помещик Бланкеннагель дал первый образец применения плодо-

смена в своем имении. В 30-х, 40-х и 50-х годах XIX столетия плодосменная система полевого хозяйства на помещичьих землях не является уже исключением, редкостью. Особенной известности в этом отношении достигли хозяйства двух помещиков—калужского Полторацкого и тверского Шелехова. Полторацкий имел целый ряд подражателей и даже восторженных последователей, некоторые из которых делились с публикой в агрономических журналах того времени результатами своих агрономических опытов. Хозяйственные документы первой половины XIX века, наверное, подарят нас, при их обнародовании и изучении, ни одним известием о переходе к плодосмену. Так, в последнее время стало известно, что рязанский помещик Семенов применял в своем имении систему земледелия более интенсивную, чем развитое трехполье, а Воробьев уже в тридцатых годах в Тверской губернии сеял клевер. Параллельно распространению более совершенных систем земледелия шли и другие процессы, указывавшие на прогресс техники полевого хозяйства: увеличивалась площадь запашек, вводились улучшенные земледельческие орудия и машины, разводились такие растения, которые знаменуют собою уже переход к промышленному земледельческому хозяйству, расчитанному на переработку продукта в другой вид с целью более выгодного сбыта: так стали в значительном количестве сеять свекловицу, имея в виду переработку ее в сахар.

Перемены в земледельческой технике подготовили торжество свободного труда над крепостным и в области земледелия. Денежное сельское хозяйство, работавшее для рынка, для сбыта, дорогие усовершенствованные орудия, интенсивная система полеводства, затраты на искусственное удобрение, на лучший рабочий скот и т. д., повышали требование на количество

продукта, делали обязательным увеличение производительности труда и земледелия; между тем, барщинный подневольный труд отличается всегда, как известно, чрезвычайно слабой производительностью: работая неохотно, поневоле, в пользу другого, без всякой для себя выгоды, барщинный крестьянин исполняет свое дело так плохо, как только можно при надзоре за ним со стороны вотчинной администрации; поэтому и земля под барской пашней не окупает своим скудным урожаем повышенных, благодаря усовершенствованиям, расходов. Остается одно средство для повышения дохода—употребление вольнонаемного труда, а для его широкого применения необходима отмена крепостного права. Конечно масса помещиков-рутинеров плохо понимала это и слепо противилась реформе, в силу своей косности и неспособности приспособиться к новым условиям, но лучшая часть поместного дворянства хорошо сознавала потребности времени и их необходимую связь с интересами рационального сельского хозяйства. Это прежде всего, доказывается коллективными ходатайствами дворянства в Николаевское время об освобождении крестьян и улучшении их быта; таковы, напр., проект тульских дворян, совещания в Смоленской, Тверской, Рязанской, Петербургской губерниях. Другое доказательство выгодности вольнонаемного труда в сельскохозяйственном производстве заключается в высокой доходности тех сельскохозяйственных предприятий, в которых применялся труд вольнонаемных рабочих: в 40-х годах XIX века в Московской губернии такие предприятия оказывались в $2^1/_2$ раза доходнее хозяйств, основанных на крепостной барщине: в то же время в Рязанской губернии барщинные помещичьи имения приносили доходу всего 8—10%, а прибыль при возделывании земли свободными рабочими по найму достигала

15—20%; наконец, в губерниях Воронежской, Тамбовской и Саратовской обработка земли вольнонаемными работниками приносила нередко более 50% чистого дохода с оборотного капитала. Есть еще третий признак большей выгодности свободного труда в земледелии в пятидесятых годах XIX века сравнительно с крепостным: это—тот факт, что к половине XIX столетия количество крепостных, обязанных земледельческой барщиной, в центральных губерниях сильно сократилось сравнительно с XVIII веком: так, например, во Владимирской губернии в XVIII веке 50% помещичьих крестьян сидело на барщине, а в половине XIX столетия процент барщинных крестьян понизился до 30-ти; в Ярославской губернии наблюдается за тот же промежуток времени понижение процента издельного крестьянства с 22 до $12^1/_2$, в Московской—с 64-х до 32-х. Правда, сокращение барщины и рост оброчной системы в нечерноземных губерниях об'ясняется не одними условиями земледелия а также развитием здесь обрабатывающей фабричной промышленности, делавшим выгодной для помещиков оброчную систему: можно было повысить значительно оброк, отпуская крепостного крестьянина работать на фабрику и пользуясь высоким сравнительно уровнем получаемой им там заработной платы. Но приведенные цифры, несмотря на такую оговорку, все-таки доказывают, что в центральных губерниях барщина сильно пошла на убыль, следовательно, золотая пора крепостного сельского хозяйства безвозвратно миновала. Что касается губерний, лежавших к югу от Оки, то процент барщинных крестьян в них или остался без перемены, как напр., в Тамбовской губернии, где и в XVIII и в половине XIX века на барщине сидело 78% крепостных крестьян, или повысился, как в Пензенской—с 48% в XVIII веке до 75% в XIX, или хотя и понизился, но всеже

был высок, чему примером может служить Курская губерния, в которой барщинные крестьяне в половине XIX столетия составляли 75½% крепостного населения тогда как в XVIII веке издельных крестьян было 92%. На первый взгляд это показывает, что в черноземных, чисто-земледельческих губерниях попрежнему господствовал крепостной труд, но при ближайшем исследовании оказывается, что напряженность здесь крестьянской барщины об,ясняется только одной редкостью населения: по свидетельству современников, на юге для обработки помещичьей пашни не хватало барщинного труда крепостных, и потому в большом количестве употреблялись вольнонаемные рабочие, приходившие из густо населенной Малороссии. Вновь открываемый материал показывает также, что число вольнонаемных рабочих к югу от Оки увеличивалось: так было в Тульской губ. в имениях графа Бобринского и Хрущева и во многих имениях Тамбовской губ. Следовательно, вольнонаемный земледельческий труд играл в степных черноземных губерниях едва ли не большую и, во всяком случае, не меньшую роль, нежели барщинный подневольный: и здесь устои крепостного земледельческого хозяйства подгнили, оно стало невыгодным для дворян-землевладельцев.

Не надо забывать, далее, что кроме владельческих интересов были еще интересны крестьянские. Для крестьянина увеличение барщины и барской запашки знаменовало собою существенный хозяйственный ущерб, так как сокращало размеры его собственной пашни и лишало его всякой экономической самостоятельности. Это было существенным тормазом в развитии собственно-дворянского хозяйства, тормазом, ставившим это хозяйство в сильное противоречие с общими экономическими условиями времени: развитие

обмена, денежного хозяйства поощряло крупные сельско-хозяйственные предприятия, но осуществление их становилось невозможным при сохранении крепостного права, вследствие противоречия их при этом условии экономическим интересам крестьянства. Два признака указывают на невыносимость крепостных хозяйственных условий для крестьянского населения последних лет перед освобождением: во первых, в последние 20 лет перед крестьянской реформой прекратился прирост крепостного населения, что очень знаменательно, так как свидетельствует о тяжелом экономическом положении крепостных; во-вторых, в пятидесятых годах XIX столетия увеличилось число крестьянских волнений: тогда как в 20-х годах оно равнялось 41-му, теперь оно выросло до 137, цифры очень внушительной.

Наконец, все эти обстоятельства—и невыгодность барщины и крепостного права для помещичьего хозяйства, и разорение и возбуждение крестьян, и происходившая отсюда остановка в возрастании народного дохода—не были безразличны и с точки зрения чисто государственных интересов. Внутреннее спокойствие—основная потребность государства. Не менее важна для него и внешняя безопасность, которая требовала развития производительных сил страны, промышленности, торговли, земледелия, путей сообщения, так как недостатки во всем этом гибельно отражались на финансах государства и были основной причиной поражения, понесенного Россией в Крымской войне.

Итак, вторую экономическую причину крестьянской реформы 19-го февраля 1861 года можно формулировать следующим образом: денежное хозяйство в своем развитии привело к техническим усовершенствованиям в земледелии, а эти усовершенствования сделали невыгодным для дворянства, крестьян и самого госу-

дарства крепостной труд и вызвали его замену трудом вольнонаемным: замена же крепостного труда вольнонаемным и означала как раз уничтожение крепостного права.

В конечном счете, таким образом, крепостное право пало вследствие развития денежного хозяйства в России, могущественно повлиявшего на технику обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, а через посредство техники и на формы производства.

Крестьянская реформа оказала громадное, определяющее влияние на все стороны русской общественной и государственной жизни. Но чтобы точно определить это влияние, надо обратить внимание на самый характер реформы...

Две основные черты обращают здесь на себя внимание: экономические условия крестьянской реформы и политическая ее сторона.

Крестьяне были освобождены с землей, при чем для каждой губернии установлены были особые высший и низший наделы. Нигде, однако, крестьяне не получили всей той земли, которою они пользовались при крепостном праве. Особенно ничтожны были так-называемые «дарственные» наделы, равнявшиеся четверти высшего надела, т.-е. до того ничтожные, что за ними укоренилось справедливое наименование «нищенских» или «сиротских». Они были установлены по требованию крупных землевладельцев-дворян, которым выгоднее было отпустить своих крепостных даром, без выкупной платы, но с ничтожными наделами, чем давать полный надел за выкуп. В общем, крестьяне потеряли при реформе не менее пятой части всей той земли, которою они пользовались, будучи крепостными. К тому же, помещики получали обыкновенно лучшую

землю, и часто помещичья земля оказывалась чересполосною с крестьянской, вдавалась клиньями в крестьянскую, отрезая деревню от ее полей, от водопоев, от большой дороги, леса, выгона и пр. Получились, таким образом, во-первых, крестьянское малоземелье, во-вторых, чересполосица крестьянских земель с некрестьянскими. Таково было первое экономическое условие крестьянской реформы.

Второе ее экономическое условие—тяжесть выкупных платежей. Хотя формально, по Положению 19 февраля 1861 г. личность крестьянина не выкупалась, личная свобода получалась даром, но на деле выкуп личности крестьянина скрывался в высокой оценке усадебной земли и в том, что первая десятина пахотной земли выкупалась также по повышенной цене. Помещики получили за землю, оставшуюся за крестьянами, выкупные свидетельства из казны, на сумму не менее одного миллиарда руалей, а крестьяне уплатили за эту же землю казне в виде выкупных платежей $1^1/_2$ миллиарда рублей. Насколько тяжелы были для крестьян эти условия выкупа, — видно из того, что в последние годы XIX века выкупные платежи составляли гораздо больше половины всех прямых налогов, падавших на крестьянскую землю, — государственных, земских и мирских.

Наконец, в третьих, в крестьянской реформе с экономической ее стороны обращает на себя внимание то обстоятельство, что формы крестьянского землевладения сохранены были в том виде, в каком они существовали при крепостном праве: там, где существовала земельная община с переделами земли, чересполосицей и принудительным севооборотом,—она и осталась; где существовало подворное владение без переделов,—сохранено было оно.

Политическая сторона реформы 19 февраля 1861 г. характеризуется сохранением сословной особенности крестьянства и связанным с этим ограничением в правах—сохранением срочных паспортов, круговой поруки, подушной подати, телесного наказания, а также полицейской организацией волости и подчинением крестьянства сначала мировым посредникам, потом земским начальникам, в значительной степени возродившим старые традиции вотчинной, помещичьей юстиции и и полиции.

Об'единяя теперь все сказанное сейчас о характере крестьянской реформы, мы должны признать, что естественным выражением смысла реформы является сохранение многочисленных остатков крепостного права и особенно крепостного хозяйства. В хозяйственном отношении особенно важную роль здесь сыграли малоземелье и черезполосица. Правда, малоземелье можно было признать лишь относительным: надел вышедших на волю крестьян в среднем равнялся $4^4/_5$ дес. на душу мужского пола, и хотя спустя 40 лет после реформы бывали наделы по 1 десятине, по $^1/_2$, трети и четверти десятины, но в подавляющем большинстве случаев наделы русских крестьян были выше земельных участков крестьян западно-европейских. Но в положении тех и других была одна существенная разница: на запале Европы давно совершился переход к капиталистическому сельскому хозяйству, в России же предстояло еще решить эту задачу. Такое решение было невозможно для крестьянства при малоземелье даже только относительном. Малоземелье заставляло крестьян арендовать помещичью землю. Но в том же направлении действовала и черезполосица крестьянских земель с помещичьими. Черезполосица вела к потравам и к разорительным штрафам, за проезд по

чересполосной земле, часто совершенно необходимый, приходилось платить, так что ничего не оставалось, как арендовать чересполосные земли. Помещики большею частью сдавали их в аренду не за деньги, а или за отработки, то-есть с условием вместо арендной платы отработать часть помещичьей земли, или исполу, то-есть с уступкой помещику половины или вообще какой-либо доли урожая. Очевидно, отработки ничем не отличались от крепостной барщины. Но и испольная аренда носила крепостной характер: помещик и при ней не организовал производство, не затрачивал капитала, земля обрабатывалась крестьянскими семенами — точь в точь как при крепостном праве. Иногда отработки устанавливались за долги. Высчитано, что, если перевести отработки, на деньги, то выходит, что при отработочных порядках крестьянин получал вдвое меньше заработной платы, чем при наемном труде за деньги. А между тем, во второй половине XIX века в половине всех имений господствовали отработки и испольщина. Особенно много их было в центральной полосе.

Таково было первое хозяйственное последствие реформы 19 февраля: она, конечно, содействовала росту сельско-хозяйственного капитализма, но, вследствие сохранения многочисленных остатков крепостного хозяйства, придала этому росту болезненный характер, сделала русский сельско-хозяйственный капитализм грубо-хищническим, полукрепостническим.

Это имело соответствующее отражение и в обрабатывающей промышленности. И здесь в России второй половины XIX века наблюдалась хищническая, грубая, ничем не стесняющаяся эксплоатация наемного труда рабочих. Она выражалась прежде всего в чрезвычайно продолжительном рабочем дне. Долгое время—до

1882 года—в России не было совсем фабричного законодательства, и закон ничем не ограничивал рабочего дня. Поэтому на фабриках и заводах работали не только 12 и 13 часов в сутки, но нередко по 14-ти, 15-ти, 16-ти и даже более, особенно, если считать сверхурочные работы. Кроме того, грубая эксплоатация рабочих выражалась в чрезвычайно низкой, часто прямо нищенской заработной плате. Плата в 40—50 к. в день считалась хорошей, 75 к.—1 рубль и более получали очень редко, большею частью платилось 20, 25, 30 коп. в день. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих была вчетверо ниже платы американских земледельческих батраков.

Половинчатость, незавершенность крестьянской реформы порождала ряд других хозяйственных последствий, — приводила к хищничеству в области предпринимательской и в сфере государственного хозяйства. Аферисты и грюндеры всякого рода, т.-е. ловкие финансовые дельцы и основатели дутых новых предприятий, путем разных происков, протекции, подкупов и взяток выхлопатывали себе разрешения на постройку железных дорог, учреждение акционерных компаний для устройства фабрик, заводов, разработки рудников и т. д. Не имея часто гроша за душой, грюндеры продавали акции, обещая огромные барыши. Жадные до наживы, мелкие капиталисты шли на эту приманку, покупали акции и сначала получали проценты. Цены на акции повышались, грюндеры продавали их все и обогащались, а потом оказывалось, что железная дорога не приносит дохода, иногда даже дает убыток, фабрика, завод или банк прогорают, рудники оказываются бедными. Масса легковерной публики разоряется. Таково грюндерство, широко распространившееся в России особенно в 70-х и 80-х годах XIX века.

Грубая эксплоатация в области государственного хозяйства производилась различными способами. Самый невинный из них — это покровительственная система или протекционизм; затем сюда же относились железнодорожные гарантии, т.-е. приплаты из казны владельцам бездоходных железных дорог, выкуп железных дорог в казну на выгодных для прежних владельцев условиях, установление выгодных для капиталистов железнодорожных тарифов, разные казенные подряды и поставки и т. д.

Понятно, что в результате всего этого, особенно под влиянием грюндерства и протекционизма, а также разорения массы населения высокими ценами на товары, высокими пошлинами и акцизами, отработочно-исполной системой и низкой заработной платой в России второй половины XIX века сильно развился пауперизм, т.-е. усилилась народная бедность. Признаком этого были частые и большие голодовки в деревне, завершившиеся небывалым голодом 1891 года, огромная безработица, дурное питание и дурные жилища рабочих.

И все же, несмотря на то, что господствующие классы своим способом проведения крестьянской реформы достигли того, что русский капитализм надолго — на целые полвека — пошел в своем развитии болезненным для широких масс населения путем, — самое развитие капитализма во второй половине XIX века и в начале XX не подлежит сомнению.

Русская торговля — внутренняя и внешняя достигла огромного развития. В конце XIX века иностранных товаров ввозилось на 500 миллионов рублей в год, русских товаров вывозилось за границу на 600 миллионов. Годовой оборот внутренней торговли дошел до 20 миллиардов рублей. Так развивался торговый капитализм.

Не менее быстро шел вперед и капитализм промышленный. Кустарные промыслы оказались не в силах бороться с фабрикой и стали отступать на второй план. Там, где они сохранились, они подчинились влиянию скупщиков или более богатых кустарей. Фабрики и заводы росли и по количеству и по размерам. В начале XX века в России было больше крупнейших предприятий сравнительно с общим числом фабрик, чем в Англии и Германии. Сильного развития достигла техника фабрично-заводского производства. В текстильном (ткацко-прядильном) производстве сила машин увеличилась со времени падения крепостного права до конца XIX века в 20 раз. Производительность русской металлической промышленности увеличилась за это время в 71 раз.

Капитализм сделал успехи и в сельском хозяйстве. В русском молочном хозяйстве он распространил улучшенные способы производства, — введены были, например, сепараторы. В земледелии применение машин стало обычным не только в помещичьих имениях, но отчасти и в крестьянских хозяйствах. В начале XX века крестьяне выписывали из московского земского склада таких машин на 3 миллиона рублей в год. В Московской губернии пятая часть всех крестьянских обществ ввела у себя травосеяние (посевы клевера). Плодосменное хозяйство распространилось в целом ряде областей — в центральной-промышленной, центральной-земледельческой, в Малороссии, на юге, в Западном крае, в Польше, в Прибалтийском крае.

В интересах развития торговли и промышленности в 1896 году введено было золотое денежное обращение, а протяжение русской железнодорожной сети к началу XX века дошло до 60 тысяч верст, тогда как при Николае 1 не превышало одной тысячи верст.

Таким образом, к концу XIX века удалось в значительной степени преодолеть первый хищнический период развития капитализма. Окончательно определилась тогда необходимость перехода к капитализму культурному, оперирующему более тонкими способами эксплуатации чужого труда.

Описанные сейчас экономические явления имели огромное влияние на социальные отношения и политическую жизнь, при чем, ярко отразилось здесь и само развитие капитализма, и те болезненные пути, какими оно шло.

Вследствие развития капитализма в устройстве общества основное, главное значение приобрело *деление на классы*, различающиеся между собою определенным положением в народном хозяйстве. Здесь особенно важно появление и сильнейшее развитие в России нового общественного класса — пролетариата или класса наемных рабочих, не имеющих собственных средств производства, не обладающих ни орудиями труда, ни землей, и живущих продажей на рынке своей рабочей силы. Этот класс, если считать и семьи рабочих, составлял, по всероссийской переписи 1897 года, крупную цифру в 22 миллиона человек, из которых 12 миллионов были фабричными рабочими или принадлежали к семьям фабричных рабочих, 3 миллиона — сельско-хозяйственные рабочие, столько же было прислуги, остальные были заняты в торговле и ремеслах.

Пролетариат выделился, главным образом, из крестьянства, но в значительной степени также из городской бедноты. Разложение крестьянского сословия на отдельные, различные по своему хозяйственному положению, группы, видно прежде всего из того, что всех лиц, принадлежащих к крестьянскому сословию, было в

1897 г. 100 миллионов человек, что составляло 78% всего населения, а крестьян в экономическом смысле этого слова, т.-е. земледельцев, обрабатывающих собственную землю личным трудом своим и членов своей семьи, было только 80 миллионов или 64% всего населения, менее двух третей. Значит, до 20 миллионов крестьян (считая и их семьи) перешло в пролетариат, отчасти также пополнило собою ряды городской буржуазии. Но этого мало: и эта 80-ти миллионная масса была далеко не однородна по своему хозяйственному положению. По крайней мере половина ее жила в чрезвычайной нужде: страдала от малоземелья, отработков, испольщины, неурожаев, голодовок и недоимок. Эта масса по преимуществу и арендовала помещичьи земли исполу и за отработки. Из другой половины большинство могло существовать без особенной нужды, а меньшинство приближалось уже к зажиточной буржуазии: оно арендовало наделы у беднейших членов общины иногда на продолжительные сроки и за единовременный платеж, так что на деле община не помешала неравномерному распределению земли и переходу земельных участков в руки более состоятельных крестьян. Эта же зажиточная сельская буржуазия скупала и дворянские земли. В течение второй половины XIX века дворянство потеряло не менее 25-ти миллионов десятин земли, из которых 12 миллионов перешли к крестьянству, а остальные — в руки купцов и мещан.

Переход значительного количества дворянской земли к купцам и мещанам показывает, что и городское сословие разделилось на группы, различные по хозяйственному положению: часть его превратилась в сельскохозяйственную буржуазию, часть в фабрикантов и заводчиков, часть осталась торговцами и ремесленниками.

То же дробление на разные хозяйственные группы происходило и в дворянском сословии. Приблизительно половина русских дворян-землевладельцев вела почти исключительно крепостническое хозяйство, основанное на отработках и испольщине. Остальная половина все более и более превращалась в сельскохозяйственную и отчасти промышленную и торговую буржуазию, заводившую и развивавшую настоящее капиталистическое хозяйство.

В противоречии с этим классовым делением, созданным новыми хозяйственными условиями, — развитием капитализма — находилась унаследованная от прошлого сословность.

Крестьянское сословие, в силу половинчатости реформы 19 февраля, было крайне стеснено в своих личных, имущественных и корпоративных правах. Оно стеснено было в праве передвижения, потому что для всякой отлучки требовалась выдача паспорта из волостного правления, нередко затруднявшаяся. А между тем, право передвижения, право свободной отлучки совершенно необходимо при развитии капиталистического хозяйства. Трудно было — далее — выйти из общины, перестать быть членом крестьянского мира, так как мир редко соглашался лишиться плательщика и заставлял иногда платить даже «с пусто», т.-е. в том случае, когда хозяйство на наделе не велось. Между тем, для многих порвавших с земледелием был тягостен не только платеж с пуста, но и самый земельный надел. Община не могла разделиться, перейти к подворному владению даже в то время, когда большинство ее членов этого желало: для раздела закон требовал согласия двух третей домохозяев. Долгое время над крестьянами тяготело позорное телесное наказание, унижавшее свободную личность, которая

начала сознавать свое достоинство. Власть мирового посредника, потом непременного члена крестьянского присутствия, наконец, особенно земского начальника напоминала прежнюю помещичью власть, стесняла и унижала и отдельных крестьян, и сельские общества и сельские власти. Новые капиталистические условия требовали общественной самодеятельности, и потому крестьяне были допущены в земские учреждения 1864 г. Но они имели там с самого начала мало значения, а с 1890 года совсем его потеряли: по Положению 1890 года крестьяне потеряли право выбираться председателями управ, а главное — крестьяне не выбирали прямо гласных, а только кандидатов в гласные в тройном числе, сравнительно с установленным по закону числом гласных от крестьян, и уже из списка этих кандидатов губернатор назначал гласных от крестьян. На крестьянстве всею тяжестью лежали не только косвенные, но и прямые налоги; долгое время оно платило подушную подать, а потом, после ее отмены, поземельный налог стал раскладываться земствами так, что крестьянство платило больше с десятины земли, чем землевладельцы других сословий; так, в 1899 г., по данным государственного контроля, в 50 губерниях европейской России крестьяне с 128 $^1/_4$ миллионами дес. земли платили 6,8 миллиона рублей поземельного налога, т.-е. более $5^1/_2$ коп. с десятины, а остальные землевладельцы со 102 мил. десятин земли платили только $2^1/_2$ мил. руб. того же налога, т.-е. лишь по $2^1/_2$ коп. с десятины. Земские сборы также тяжелее ложились на крестьян, чем на другие сословия. Сверх того, крестьянам приходилось платить выкупные платежи и мирские сборы. Короче говоря, крестьянское сословие было сословием полусвободным — полукрепостным, даже более крепостным, чем свободным.

Городское сословие жило по устарелому закону Екатерины II и искусственно отделялось от других общественных групп, с которыми оно давно уже составляло один класс — класс буржуазии.

Дворянство сохранило много преимуществ или привилегий. Оно имело попрежнему свое сословное управление с особыми правами. Оно долго не платило никаких прямых налогов, а поземельный налог после его введения уплачивало на деле в меньшем размере, чем крестьянство. Оно через своих представителей и земских начальников руководило всем местным крестьянским управлением. Оно господствовало в земстве. Дворяне занимали почти все важные должности по государственному управлению. Наконец, дворянство, как скоро увидим, получало от государства постоянную и очень большую денежную помощь.

Таким образом, русское общество после реформы 19 февраля разделилось на классы с различными интересами, при чем, противоположность интересов обострялась существованием многочисленных остатков крепостнического, вообще, хищнического хозяйства и сохранением устарелого сословного строя, препятствовавшего свободному развитию капитализма. Несомненно было, что устройство общества далеко не соответствовало развитию капиталистического хозяйства. Жизнь требовала коренных, решительных социальных реформ. Аграрный вопрос, т.-е. вопрос об уничтожении остатков крепостнического сельского хозяйства, вопрос рабочий, т.-е. вопрос о введении более культурных форм эксплуатации наемного труда, и необходимость уничтожения или, по крайней мере, сильного смягчения сословности—вот три вопроса, которые настоятельно требовали разрешения.

Между тем, в области государственного устройства еще сильнее, чем в области социальных отношений, сказалась половинчатость крестьянской реформы, так что внутренняя политика господствовавших во второй половине XIX века классов общества ни мало не разрешила назревших вопросов. Правда, в 80-годах XIX века аграрный вопрос настолько обострился, что пришлось учредить Крестьянский земельный банк для ссуды крестьянам денег на покупку земли и позаботиться о переселении крестьян в Сибирь. Но ни то, ни другое не помогло разрешению аграрного вопроса. Продажа земли через Крестьянский банк не могла устранить крестьянское малоземелье; при том же, через Крестьянский банк покупали землю, главным образом, зажиточные крестьяне, а не деревенская беднота, тем более, что цены на землю постепенно все повышались, дойдя с 40 рублей в среднем за десятину до 100, 120, 150-ти рублей и более, да и банк не давал всех денег, какие нужны были для покупки земли, часть их должна была доплачиваться самими крестьянами, что, конечно, было не под силу бедноте, во всяком случае заставляло ее попадать в лапы кулакам, которым в конце-концов часто и доставалась земля. Так деятельность Крестьянского банка повела, главным образом, к обогащению зажиточных крестьян, деревенской буржуазии, и к тому, что разорившиеся помещики получили возможность выгодно, по высокой цене, продавать свои имения. Что касается переселения, то размеры его не превысили к концу XIX в. 300 тысяч человек в год, чем далеко не покрывался даже естественный прирост крестьянского населения в земледельческих губерниях, где нужда в земле была особенно велика.

Рабочее движение, первые признаки роста которого относятся к 70-м годам, заставило обратить внимание

на рабочий вопрос. В 1882 году был издан закон об облегчении труда женщин и детей на фабриках. Затем были учреждены должности фабричных инспекторов, и наконец, фабричный труд был ограничен $11^1/_2$ часами в сутки. Но все это не могло разрешить рабочего вопроса: ограничение времени рабочего труда мало помогало, так как допускались сверхурочные работы; наиболее энергичные из фабричных инспекторов скоро были удалены вследствие жалоб фабрикантов; возник даже проект передачи фабричной инспекции из ведения министерства финансов в министерство внутренних дел, т.-е. превращения ее в обыкновенный полицейский орган; а главное не было свободы рабочих коалиций, т.-е. стачек и союзов, для защиты интересов рабочего класса.

Уступить в вопросе о сословности дворянство не могло: немыслимо было для него самоуничтожение. И потому во второй половине XIX века сословность не только не была ослаблена, а, напротив, была усилена целым рядом мер. Так, одновременно с Крестьянским банком был учрежден Дворянский земельный банк для выдачи ссуд дворянам под залог их земель, с целью поддержать дворянское землевладение. Дворянство получало из казны денежные пособия для устройства дворянских пансионприютов (общежитий для учащихся в разных учебных заведениях дворянских детей) и взаимно-вспомогательных дворянских касс в разных губерниях. По новому земскому положению 1890 г. дворянство почти везде получило господство в земствах. Вместе с тем земские учреждения были всецело подчинены администраций: губернатор получил право опротестовывать постановление земских собраний не только в том случае, когда они были незаконны, но и по существу, т.-е. если он находил, что эти постановления вредны для населения или для государства.

Такое же полное подчинение администрации установлено было для городских дум новым Городовым Положением 1892 г. Кроме того, это Положение установило в городских думах полное господство крупной буржуазии: беднейшие домовладельцы и ремесленники потеряли право участвовать в выборах гласных.

Из сказанного сейчас видно основное средство, которым старый государственный порядок пользовался для того, чтобы отстоять себя от давления новых хозяйственных условий и социальных отношений: это средство—усиление административной власти. В самом деле: не имея возможности произвести коренные реформы, не допуская самодеятельности и свободы широких масс населения, старый государственный порядок, унаследованный Россией еще от предыдущего периода ее истории, должен был прибегнуть только к одному средству для самосохранения—к укреплению и усилению власти администрации и к сосредоточению в своих руках возможно большего количества материальных средств.

В этом отношении характерен целый ряд мер. Сюда относится учреждение в 1889 г. должностей земских начальников, соединивших в своих руках суд и администрацию и возродивших в значительной степени помещичью власть, существовавшую при крепостном праве. Важно, далее, то, что введенное в 1881 году Положение об усиленной охране на деле потеряло характер временного закона, а стало действовать постоянно. Судебные уставы Александра II, введенные в 1864 г. под влиянием крестьянской реформы, подверглись существенным урезкам: сильно сокращен был круг дел, находящихся в ведении суда присяжных; установлен был разбор целого ряда дел при закрытых дверях, чем гласность судопроизводства была сильно сокращена; почти совер-

шенно исчезла несменяемость, а, следовательно, и независимость судей. Университетский устав 1863 года, основанный на самоуправлении профессорских коллегий, заменен был уставом 1884 г., уничтожившим автономию, всецело подчинившим университеты министру народного просвещения. Наконец, министерство финансов всячески стремилось сделать правительство обладателем огромных денежных средств. С этой целью государственные росписи доходов и расходов составлялись каждый год так, что намеренно преуменьшались ожидаемые доходы; поэтому, в результате исполнения росписей получался излишек. Это укрепляло государственный кредит, тем более, что проценты по займам уплачивались всегда аккуратно, а иностранные банки, продававшие бумаги новых русских займов, получали за это большое вознаграждение. Высокую цену на бумаги правительство поддерживало также тем, что держало за границей значительные суммы денег, часть которых в случае нужды тратилась на покупку русских процентных бумаг для повышения их цен. Кредит всегда мог сделать, таким образом, старый порядок обладателем огромных средств. Той же цели служило развитие хозяйственной, предпринимательской деятельности государства, выразившееся в выкупе в казну большей части русских железных дорог и особенно в введении винной монополии.

Никаких сколько-нибудь серьезных преобразований в центральном и высшем управлении не производилось. В государственном устройстве Россия стояла, следовательно, во второй половине XIX в. на старой почве. Этим создавалось новое резкое противоречие—между государственным строем и хозяйственными условиями. Сознание этого противоречия и необходимости коренных социальных реформ обнаружилось с особенной си-

лой тогда, когда началась неудачная война с Японией. В результате получился великий кризис 1905—1906 годов.

Окидывая общим взглядом пройденный нами длинный путь исторического развития нашего отечества, можно заметить, что основой всего изученного процесса служит смена двух главных периодов экономической жизни страны: первый из этих периодов—период безобменного, натурального хозяйства, второй — период хозяйства денежного или менового. Хронологическая грань, отделяющая один из них от другого,—это половина XVI века. До этого времени господствовало натуральное хозяйство, после него стало заметно развиваться денежное. Но между обоими периодами не было перелома, резкого и крайнего переворота, разрушительной катастрофы, напротив, весь процесс совершался в общем постепенно и без больших скачков. В сущности и каждый из двух названных периодов не представлял собою чего-либо раз навсегда данного, на всем протяжении равного себе, постоянного и неизменного, а являлся длительным процессом, далеко не однородным в начале и конце, так что внутри каждого периода можно отличить особые моменты или стадии. Первая стадия развития натурального хозяйства закончилась в истории России приблизительно концом XII века; она характеризовалась, как мы видели, господством первоначальной добывающей промышленности в крайне экстенсивной, первобытной системе, преобладанием крестьянской поземельной собственности—так называемого вольного или захватного землевладения—и домашней, семейной формы производства, при крайне слабых проявлениях обмена, с поверхностной и имевшей некоторое значение лишь для высших классов общества примесью внешней торговли. Соответственно такому сочетанию основных экономических сил, главное влияние в общественном союзе

принадлежало в это время свободному крестьянству, и роль города в собственном смысле этого слова была незначительна: это было место убежища на случай внешней опасности, центр, где собиралось вече, и самое большее — и то далеко не всегда — местный рынок для очень узкого района и с совершенно ничтожным торговым оборотом. XIII веком начинается вторая стадия периода натурального хозяйства в России, длящаяся до половины XVI столетия. Она характеризуется постепенно усиливающимся перевесом сельского хозяйства, сначала скотоводства, а потом и земледелия, в одной половине страны—в северо-восточной Руси, преобладанием торговли на новгородском западе и сохранением прежнего господства добывающей промышленности в северном крае. Княжеская вотчина, развивающиеся поместье и монастырская вотчина, оброчная система и свободный крестьянский труд были типическими формами землевладения и хозяйства на северо-востоке; крупная боярская вотчина и купеческая компания были характерны в этом отношении для новгородского строя; на севере уцелели старое крестьянское семейное землевладение, утратившее лишь прежний кочевой характер, и домашняя форма производства. Под влиянием всех этих условий сложились два политических организма удельного времени: аристократическая новгородская республика с преобладанием владевшего землей и денежным капиталом боярства и торгового сословия и удельное княжество с постепенно усиливавшейся под влиянием экономического господства деревни и сельского хозяйства—властью князя. Со второй половины XVI до половины XIX столетия длится первая стадия развития денежного хозяйства. Земледелие остается господствующим на всей территории страны, но все более выдвигаются на ряду с ним на первый план торговля,

переставшая быть новгородской монополией и приобретшая новые рынки, и обрабатывающая промышленность, сначала в форме кустарной, потом фабричной. Соответственно этому, разрушаются поместье и монастырское землевладение, сменяясь сословной дворянской вотчиной и государственным землевладением, растут барщина и несвободный, крепостной труд, и развивается под влиянием хозяйственных условий колонизации страны. Во главе общественного союза становится самодержавная власть московских царей, потом всероссийских императоров. В этой стадии развития денежного хозяйства можно, впрочем, различать два последовательных момента — московский и новый дореформенный, которые мы и излагали отдельно, характеризуя первый, как время зарождения и первоначального развития порядков, сложившихся более определенно во второй момент. Наконец, освобождение крестьян от крепостной зависимости было поворотным пунктом в развитии денежного хозяйства, вступившего со времени этой реформы во вторую стадию, когда обрабатывающая промышленность приобретает еще более видное значение в экономической жизни, а меновое обращение хозяйственных благ захватывает все более и более глубокие и широкие общественные слои, под влиянием чего развиваются свободный труд и свободная бессословная земельная собственность, и выдвигаются вперед торгово-промышленный и рабочий классы, следовательно, влияние города увеличивается.

В связи с увеличением влияния города стоит развитие той стороны общественных отношений, которая известна под названием культуры, в тесном смысле этого слова, т.-е. интересов науки, искусства и просвещения и которая была оставлена в предшествующем

изложении в тени, отчасти с целью сосредоточить внимание читателя на немногих основных явлениях, отчасти вследствие того, что этот сложный вопрос требует особого обстоятельного изучения, тем более что общепринятые здесь точки зрения должны подвергнуться замене совершенно новыми. Сейчас мы позволим себе, поэтому, ограничиться лишь общим указанием на громадную роль города, несомненную для всякого непредубежденного человека. Наши университеты, музеи, академии, художественные галлереи, театры, библиотеки корнями своими прочно прикреплены к городской почве и развиваются в точном соответствии и неразрывной связи с увеличением экономического значения города. Это не значит, конечно, что воспитанные в городе наука, искусство и просвещение ничем не обязаны деревне и созданы не для нее. Напротив, каждый божий день мы можем наблюдать в европейской и русской жизни все новые успехи приобщения деревни к великим благам человеческой культуры и просвещения. Но нет сомнения, что без развития городского строя невозможен был бы и пышный расцвет культуры. Не надо только забывать, с другой стороны, что и городской строй в его современном состоянии органически связан с историческим развитием деревни, и что город без деревни может существовать еще в меньшей степени, чем деревня без города.

Вот почему не в меру горячие споры о преимуществах городского и деревенского строя и слишком резкое противоположение первого второму теряют реальное значение и практический смысл. Историческое изучение вопроса, которое, сообщая знания, должно, несомненно, хоть отчасти приподнять перед нами завесу, скрывающую будущее, дать в результате предвидение, дает возможность предполагать, какова будет прибли-

зительная комбинация элементов грядущего хозяйственного развития России. В таких предсказаниях нельзя обойтись без сравнения с соответствующими явлениями западно-европейской жизни. Известно, какой необычайной высоты достигло в XIX веке промышленное развитие самой передовой из европейских стран,—Англии. Поворотным пунктом этого развития служил 1846 год, год отмены таможенных пошлин на ввозимый в Англию иностранный хлеб. Этот законодательный акт нанес окончательный смертельный удар английскому земледелию, которому было не под силу бороться с конкуренцией дешевого хлеба, ввозимого из земледельческих стран, и завершил собою процесс превращения Великобритании в типическую городскую страну, с полным, безраздельным почти господством обрабатывающей фабрично-заводской промышленности и денежного капитала. Обширные внешние рынки и эксплуатация некультурных и малокультурных стран, посредством английских капиталов, явились естественными дополнениями описанных перемен во внутреннем хозяйственном развитии Англии. Несколько иную картину представляет другая передовая европейская страна—Франция: и здесь правда, развились и достигли преобладания фабричная промышленность и денежный капитал, и потому расширение внешних рынков и приложение капиталов к промышленности малокультурных стран имели место, но вследствие большей обширности территории, большего плодородия почвы, земледелие не было совершенно подавлено и продолжает играть видную хозяйственную роль. Известно, на каком распутьи стоит теперь третья культурная страна современной Европы,—Германия; ей предстоит решить важную проблему, какой из двух типов хозяйственного развития, французский или английский, должна она усвоить в будущем, должна ли она

превратиться в чисто городскую страну или сохранить характер страны с равновесием обрабатывающей городской промышленности и деревенского сельского хозяйства? Каково бы ни было решение этого вопроса для Германии,—можно одно сказать смело: его решение для России в определенном направлении не подлежит сомнению. В самом деле: Россия представляет собою обширную территорию, открытую на всем пространстве для свободного товарного обмена и насчитывающую более 130 миллионов населения. Все это население, которое при том быстро увеличивается, или даже большую его часть немыслимо превратить в фабричных рабочих, потому что в таком случае понадобились бы небывало-обширные рынки для фабрикатов и необ'ятные пространства некультурных стран для капиталистической эксплуатации. Мы не думаем, конечно, утверждать, что развитие обрабатывающей промышленности в России имеет неширокие перспективы на будущее, или что оно даже едва ли не достигло уже своего конечного предела, как думают некоторые. Напротив, обширность территории, в значительной своей части почти еще не тронутой культурою, и многочисленность быстро растущего населения служат лучшим и неизменным залогом дальнейшего промышленного преуспеяния нашего отечества и связанных с этим успехов в социальном, политическом и культурном отношениях, но, несмотря на это, нельзя предполагать ничтожную хозяйственную роль земледелия опять-таки в виду наличности многочисленного населения, обширной территории и значительных пространств плодородной почвы. И городской и деревенской промышленности в России суждено, таким образом, великое будущее, и наше отечество, несомненно явится более чистым и полным представителем того типа экономического

развития, который составляет отличительную черту Франции.

Этот тип имеет, впрочем, другого чистого и полного представителя — Соединенные Штаты Америки. И в отношении сельско-хозяйственном Россия во многом подходит именно к Соединенным Штатам.

VII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Великие общественные катастрофы никогда не сопровождаются непосредственными прочными результатами, не ведут к немедленным глубоким переменам. Приобретения масс населения кажутся обыкновенно эфемерными, скоропреходящими и сменяются реакцией, т.-е. таким направлением общественной и политической жизни, посредством которого правящие классы стараются отстоять и закрепить свое господствующее положение.

Реакцию нельзя, однако, понимать, как простой поворот назад, возврат к старым порядкам и отношениям. Коренные перемены в общественной жизни становятся в известные моменты, настолько необходимыми, что без них невозможно дальнейшее развитие общества. Это заставляет бороться за такие перемены те классы общества, которые в них непосредственно заинтересованы. Но и господствующие классы, пережив глубокое общественное потрясение, испытывают на себе волей или неволей сильное его влияние, вынуждаются к уступкам, социально перерождаются, стараясь лишь сохранить максимум выгод для себя. В результате и получается то, что в эпохи реакции назревают и даже отчасти осуществляются в той или другой форме приобретения и перемены, намеченные в эпохи общественных кризисов.

Эти перемены видны уже в господствовавшей после 1905 года аграрной политике. Известный указ 9 ноября 1906 года — далее закон 14 июня 1910 года — имел в виду, конечно, прежде всего, удовлетворение интересов господствовавших классов, укрепление собственнических инстинктов в крестьянстве, и с этою целью заменял в крестьянской среде общину личной собственностью на землю, подобно соответствующим ему указам: австрийскому 1768 года и прусскому 1821 года. Но уже в этой попытке, быть может, независимо от воли тех, кто ее предпринял, сказывается весьма важная социально-экономическая перемена: частная собственность на землю — существенный признак капиталистического (уже не крепостнического) сельского хозяйства. Такое же значение имеет и Положение о землеустройстве 1910 года: оно способно было в своем применении уничтожить ту чересполосицу крестьянских земель с некрестьянскими, которая являлась долго одной из главных причин отработок и испольщины, т.-е. крепостнического хозяйства. Наконец, обстоятельства заставили господствовавшие классы принять ряд мер к уменьшению крестьянского малоземелья, другой главной причины отработок и испольщины: с этою целью образован был из части государственных и удельных земель особый земельный фонд в крестьянском банке и усилена деятельность крестьянского банка по распродаже этого фонда и перепродаже дворянских земель крестьянам.

Несомненно — далее — то, что господствовавшая после 1905 г. аграрная политика отливала аграрную эволюцию России, в особенности России крестьянской, в весьма болезненные формы, насильственно ломая старые формы землевладения и создавая значительные массы безземельных. Но при всем том не подлежит

все-таки сомнению, что в общем и целом капиталистическое сельское хозяйство тогда пошло на смену крепостническому: распродажа части дворянской земли коснулась именно хозяйств крепостнических, уничтожение чересполосицы нанесло удар хозяйствам того же типа, сельско-хозяйственная техника развивалась: не даром в 1911 году ввезено было в Россию и произведено внутри страны сельско-хозяйственных машин на 117 миллионов рублей. Если прибавить к этому высокие цены на хлеб на международном рынке и сокращение заокеанской конкуренции с ростом внутреннего потребления хлеба в промышленно-развивающихся с необычайной быстротой Соединенных Штатах, то придется признать наличность в России после 1905 года благоприятных условий для развития сельско-хозяйственного капитализма.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Литература по экономической истории России не отличается богатством. Общим очерком хозяйственного развития является соответствующая глава в I томе «Очерков по истории русской культуры» П. Н. Милюкова (см. особенно издание 1901 г.). Недавно начат вышедший пока первым томом общий обзор „Истории народного хозяйства России" Довнар-Заполъского. Весьма важное значение имеют также очерки хозяйственной истории России в труде М. Н. Покровского «Русская история с древнейших времен» и «Очерк по истории русской культуры», ч. I. Лященко «Очерки аграрной эволюции России» 2-е изд., Пгр. 1923 г.; Готье «Очерки по истории землевладения в России»; Архангельский «Очерки по истории земельного строя в России». Отдельные важные замечания и характеристики можно найти у В. О. Ключевского в «Пособии к лекциям по русской истории», «Курсе русской истории» и в «Боярской думе древней Руси».

Материал по экономической истории киевской и удельной Руси собран в книге Аристова «Промышленность древней Руси». Для экономической истории Новгорода имеют значение труды Никитского. «История экономического быта Великого Новгорода» и А. С. Лаппо-Данилевского «Критические заметки по истории экономического быта Великого Новгорода» в Журнале Министерства Народного Просвещения за 1895 год, № 12.

О народном хозяйстве Московской Руси идет речь в сочинениях Костомарова «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII веках, — Соколовского «Экономический быт земледельческого населения России перед крепостным правом и колонизации восточных степей», Перетятковича «Поволжье в XV и XVI веках» и «Поволжье в XVII и XVIII веках», Багалея «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства», Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства», Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке», Готье «Замосковный край в XVII веке», Богословского «Земское самоуправление на севере России XVII в.». Сюда же относятся работы, посвященные истории землевладения: Чичерина «Сельская община» (в «Опытах по истории русского права»), Неволина «Полное собрание сочинений», том IV, Соколовского «Очерк истории сельской общины на севере России», Ефименко «Исследования народной жизни», т. I (статья «Крестьянское землевладение на крайнем Севере»), Иванова—статьи в издании «Древности. Труды Археографической комиссии Московского Археологичеекого Общества», особенно статья «Поземельные союзы и переделы на севере России в XVII в.» («Древности. Труды Археографической комиссии», т. II, вып. 2-й), Сергеевича «Древности русского права», том III (см. рецензии на это соч. Дьяконова «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1904 г., июль, и Рожкова в «Правде» за 1904 г.. январь). Имеют значение труды по финансовой истории, особенно Милюкова «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства», Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве» и Веселовского «Сошное письмо». Наконец, важны сочинения

о происхождении крепостного права в России: Беляева «Крестьяне на Руси», Ключевского «Происхождение крепостного права в России» — в «Русской Мысли» за 1885 год, №№ 8 и 10, Дьяконова «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве».

По истории народного хозяйства в России XVIII и XIX вв. заслуживают внимания следующие труды: Корсака «О формах промышленности», Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», 2 тома, указанные выше сочинения Чичерина, Неволина и г-жи Ефименко; Лучицкого «Сябринное землевладение в Малороссии (в «Северном Вестнике» за 1889 г., №№ 1 и 2), Кауфмана «Сибирское землевладение», Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем», том I, Струве «Основные моменты в развитии крепостного хозяйства в России» (в «Мире Божьем» за 1899 г., №№ 10, 11 и 12), его-же «Крепостное хозяйство в России», кн. Волконского «Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве» (в трудах Рязанской ученой архивной комиссии за 1897 г., т. XII, вып. 2 и отдельно), Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время» (особенно «Записка о крепостном состоянии в России», в IV томе), Игнатович «Помещичьи крестьяне накануне освобождения», Погожева «Учет численности и состава рабочих в России».

Более подробную мотивировку и изложение проводимых в предлагаемом очерке взглядов читатель может найти, кроме упомянутой выше книги пишущего эти строки «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке» и «Обзор русской истории с социологической точки зрения», еще в следующих его статьях: «Нату-

ральное хозяйство и формы землевладения в древней России» («Жизнь» за 1900 г., № 9); «Денежное хозяйство и формы землевладения в новой России» («Научное Обозрение» за 1902 г., №№ 2 и 3), «Развитие экономических и социальных отношений в России XIX века («Образование» за 1902 г., № 1) и «К вопросу об экономических причинах падения крепостного права в России» («Мир Божий» за 1902 г., № 2). По поводу последней статьи см. полемику между автором и гр. Семевским (статья гр. Семевского в «Русской Мысли» за 1902 г., апрель, и возражение ему в «Мире Божьем» за 1902 г., сентябрь).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
I. Введение	5
II. Город и деревня в Киевской Руси	9
III. Город и деревня в Удельной Руси	29
IV. Город и деревня в Московской Руси	55
V. Город и деревня в новой крепостной Руси . .	89
VI. Город и деревня во второй половине XIX в. .	114
VII. Заключение	149
Библиография	152

ИЗДАТЕЛЬСТВО

О. БОГДАНОВОЙ.

НОВИНКИ:

А. Болтунов. — Как вести педагогический дневник.

К. Каутский. — Социализация сельского хозяйства.

К. Бюхер. — Возникновение народного хозяйства. 4-ое изд. с пред. А. Тюменева.

С. Солнцев. — Общественные классы. 2-ое испр. и дополненное издание.

Н. Рожнов. — Очерки из истории Англии, Франции и Германии.

Он-же. — Происхождение самодержавия.

Петроград, пр. Володарского (б. Литейный) 40, „ACADEMIA“
Москва, Б. Дмитровка 15 „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“